

★ ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ★

СПЕЦНАЗ

Михаил НЕСТЕРОВ

НАПРАВЛЕНИЕ
ГЛАВНОГО УДАРА

Джеб

Михаил Нестеров

Направление главного удара

«ЭКСМО»

2006

Нестеров М. П.

Направление главного удара / М. П. Нестеров — «Эксмо»,
2006 — (Джеб)

Как иногда хочется скинуть порядком надоевшее бремя разведчика ГРУ и уподобиться героям знаменитого французского фильма «Искатели приключений»! Ведь все для этого есть – и золото на затонувшем корабле, и погружения в пучину океана, и риск, и, конечно, любовь. Обидно, что на самом интересном месте разведчикам приходится вернуться к своим должностным обязанностям. Английский «контрик» Гарри Копано, наркодилер и авантюрист, пронюхал о золоте и натравил на наших парней профессиональных убийц – боевых пловцов. То, что произошло потом, трудно вообразить. Перед отчаянностью и твердостью русского характера померкло даже огненное сияние золота...

© Нестеров М. П., 2006

© Эксмо, 2006

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
1	5
2	9
3	12
Глава 2	14
1	14
2	15
3	19
4	21
Глава 3	24
1	24
2	25
3	27
4	28
5	30
Глава 4	33
1	33
2	36
3	38
Глава 5	42
1	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Михаил НЕСТЕРОВ

Направление главного удара

Автор выражает особую признательность еженедельнику «Независимое военное обозрение», газете «Известия», журналу «Game.exe», авторам книги «Новые игры патриотов» А. Солдатову, И. Бороган, авторам книги «Люди-лягушки» А. Тарасу, В. Бешану, автору книги «Охотники за охотниками» Йохану Бреннеке за использование их материалов в своей книге.

Все персонажи этой книги – плод авторского воображения. Всякое сходство с действительным лицом – живущим либо умершим – чисто случайное. Взгляды и высказанные мнения героев романа могут не совпадать с мнением автора.

Простейший способ избавиться от власти золота – это иметь его в избытке.

Часть первая

В ТЕНИ «ОРАКУЛА»

Глава 1

СЛАБОЕ ЗВЕНО

1

Конец мая 2005 года

Извещение в лондонской газете «Ивнинг Стэндарт»:

Авиастроительная компания «Хемфри и Ко» уведомляет своих клиентов – владельцев легкомоторных самолетов – тип «Свэвдэж», выпущенных компанией в период 16 марта – 20 мая 2005 года, о неисправностях в узле крепления винта (фланец крепления, деталь FL-645518; неисправность – нарушение технологических параметров при термической обработке). Мы настоятельно рекомендуем владельцам нашей продукции срочно обратиться в ближайшие сервисные станции для замены неисправной детали за счет фирмы-изготовителя.

Каждому нашему клиенту на адрес, указанный в договоре о приобретении самолета, высланы официальные извещения о неисправностях агрегата и извинения от имени руководства фирмы за причиненные неудобства. Оповещения о неисправностях также разосланы компанией в службы безопасности полетов аэропортов и авиакомпаний следующих стран...

Подпись:

Гендиректор «Хемфри и Ко»

Гордон Хемфри.

...Кони поймал себя на странной мысли: его одномоторный высокоплан не летит, а спускается по невидимой канатной дороге. Он будто сорвался с наивысшего пика гористой Шри-Ланки и катил по наклонной к безымянной возвышенности Мальдив.

Конрад не любил ликовать в одиночестве. Он потянулся к спутниковой трубке, крепившейся в жестком чехле на панели приборов, и набрал номер Эмиля Линге. Снова испытал, что такое быть на седьмом небе и не чувствовать ног под собой. От Эмиля, который находился в

Голландии, его отделяли тысячи миль. А его голос прозвучал так ясно и неожиданно громко, будто он сидел в кресле пассажира и поддерживал связь по интеркому.

– Ошибаешься, Эмиль, – Конрад радовался как ребенок, – я на канатной дороге. От скорости в двести миль и перепада в два с половиной километра закладывает уши. Меня втягивает в Экваториальный проход!

Экваториальный проход. Пролиты Полуторного и Восьмого градусов. Эти завораживающие слова не могли не опутывать чарами, никого не оставили бы равнодушным.

Самолет Кони словно пристегнули к цепи коралловых островов и атоллов. Под крылом самолета распростерлись десятки, сотни островов. С высоты птичьего полета они казались кувшинками и листьями, упавшими в кристально чистое озеро, а Кони и его крылатая машина превратились в мифического Икара. Он снижается по спирали холодных воздушных потоков, выискивая место для отдыха. Там, где его крыло коснется воды, вскоре захлопают десятки таких же сильных, как у него, вожака стаи, крыльев. В этом шуме он различит призыв своей подруги по имени *Весна* и тронет ее нежный пух своим сильным крылом: «Вот мы и дома, детка».

Он снижался и на высоте ста метров был в недосыгаемости радаров мальдивского аэропорта Хулуле.

Кони уже сообщил командиру подразделения британского спецназа о своем приближении и представил, как «морские коттики» садятся на каркасные «зодиакы» и мчат к месту встречи. В прошлый раз это была песчаная отмель. Там морпехи подыскали отличную площадку для приземления легкомоторного самолета. Сегодня Кони ждала схожая площадка – ровная береговая линия.

На борту самолета находился груз – пятьсот килограммов чистейшего опиума, собранного на плодородных берегах Махавели, и около ста килограммов марихуаны, выращенной в гористой части Шри-Ланки.

Где-то здесь внизу у Кони был свой остров-сад. Однажды пролетев над ним, он всегда стремился к нему. Он мог пролетать над ним сотни, тысячи раз, но не мог совершить на него посадку. Разве что спикировать.

Конрад не знал, что скрыто под водой. Это он видел всегда по-разному. Чаще – в облике подводного сада необычной, фантастической формы. Образование кораллов, буйная поросль подводных растений, где на глубине двадцати метров полчища небывало красивых рыб – клоунов, наполеонов, ангелов. Он вытянулся на полсотни метров вдоль экватора и казался синей птицей, укрывшейся от людских глаз на дне океана. Но как бы ни хитрила птица, имеющая форму хищной рыбы, Кони научился распознавать ее. С высоты двухсот метров она была видна. Стоило опуститься на пятьдесят метров ниже – она пропадала как по мановению волшебной палочки. В море у нее были свои защитники – блестящие на солнце волны. Это они при близости к воде словно поворачивали свою зеркальную чешую и слепили глаз.

Порой это подводное новообразование Конрад сравнивал с гигантской рыбой – вымахавшей до невероятных размеров стерлядь с коротенькими плавниками.

Подводное гористое образование. Будто холм, *огромный могильный холм*, раскинувшийся в сорока километрах от ближайшего острова.

Чем чаще летал над ним Кони, тем больше ассоциаций возникало у него в голове. Каждый раз новые образы.

Однажды он сделал его зарисовку, проставил точные координаты и показал Эмилю. Тот натурально обломал кайф: «Похоже на железную щуку из мультсериала. Зачем ты ее нарисовал?»

...До точки randevу оставались считанные минуты. В груди летчика заработал внутренний спидометр: тревога возрастала с каждым пройденным километром. Беспокойство и воображение спаялись в одно целое и родили облик стремительных истребителей и еще более провор-

ных ракет класса «воздух – воздух», сорвавшихся с пилонов военного самолета. От воздушных призраков дхнуло морозом; сковало руки, подморозило губы.

Кони снова взял спутниковую трубку.

– Эмиль...

Он был обязан выйти на связь с «котиками», поджидающими контрабандный груз. Они уже поглядывают в небо. Выходя на связь, Кони выбрал простейшую опцию *последнего* соединения.

Еще и потому, что Эмиль был владельцем такого же новенького высокоплана и приобрел продукцию «Хемфри» неделей позже.

– Эмиль, у меня дурное предчувствие. Нет, не шути, канатная дорога не оборвалась... но может оборваться. Я сейчас точно в середине Экваториального прохода. Я на малой высоте и не вижу остров Бабочки, но он на правом траверзе, где-то слева безымянный островок.

Он, зная точные координаты своего подводного сада, называл их Эмилю так, словно хотел упокоиться в том райском месте.

– До точки randevу ровно шестьдесят километров... *Что-то с мотором, что-то с мото-ром...*

Конрад уже не говорил с другом, а докладывал: *высота, курс, скорость... время* – с центра приборной панели на него смотрел стеклянный глаз секундомера – абсолютно лишней детали на этой стилизованной под «Авро-Линкс» «доске».

– Кажется, тамильские ублюдки залили мне паршивое топливо! Я падаю, падаю!..

Самолет шел бреющим полетом над проливом Полуторного градуса. Экваториальный проход был в *двухстах километрах* к югу, остров Бабочки прятался на южной окраине атолла Сувадива. Там же вдалеке остался его подводный сад.

Отчаяние и тревога покинули его, едва Кони прервал связь с Эмилем. Его лицо озарила счастливая улыбка. Он оторвал одну руку от штурвала и сжал пальцы в кулак: «Есть! Получилось!» Но нет, пока рано торжествовать. Он отпразднует победу в роскошном ресторане.

Конрад резко изменил курс, еще дальше удаляясь от координат, брошенных в телефонную трубку. Он держал курс на небольшой остров и, согласно расчетам, должен увидеть его через пять минут.

Зеленая голова острова словно вынырнула из воды и отплевывалась прибрежной пеной. Кони заложил крутой вираж, едва не касаясь крылом водяных гребешков, и облетел остров с его восточной стороны. Тотчас увидел площадку для приземления. Твердая, цементированная волнами и ветрами, песчаная полоска манила к себе. Приманивали руки товарищей, подающих ему знаки. Он качнул крылом, приветствуя их.

Сделав разворот, Конрад пошел на посадку. Руль высоты вздыбился над рулем направления павлиньим хвостом. Шасси самолета слизывали морскую пену; она сорвалась с широкой резины, едва высокоплан коснулся береговой полосы, и колеса – вначале основного шасси, а затем носовое – закрутились с бешеной скоростью, разбрасывая песчаные перья.

Самолет подпрыгнул на песчаной неровности и понесся в полуметре над площадкой. Конрад хладнокровно подкорректировал направление, дернув штурвал. Шасси снова обрели сцепление с площадкой, на сей раз окончательно.

Самолет закончил свой бег в пятидесяти метрах от губы, врезавшейся в берег. Кони открыл фонарь, ступил на подножку. Но не спрыгнул на землю. Он забрался на горячий капот, оттуда одним прыжком заскочил на влажное крыло и выбросил руки в небо.

Конрад здорово смотрелся на своем высокоплане, закончившем фантастический полет-гонку. Он только что не выкрикнул: «Мы чемпионы!» Только что не прыгнул в объятия Хантера, походившего в этот миг на Рона Дэниса из «Макларена»: черная майка, темные брюки, заправленные в высокие, тонкой кожи, военные ботинки.

Он отыскал глазами Весну и подмигнул с высоты: «Вот и все, детка!»

Они часто мечтали, обнявшись на белоснежном песке, свободном от кораллов, о старой-старой усадьбе в Англии. «Трехэтажная», – говорил Конрад. «На берегу озера», – добавляла Весна. «Каминные трубы, водосточные». – «Две террасы». – «И никаких заборов». – «Точно – лишь живая изгородь, уходящая к самой воде». – «На лугу пасутся кони, овцы, собаки резвятся». – «У самой воды мостки, маленький понтон с парой лодок, плещутся утки».

Конрад спрыгнул на песок и заключил девушку в свои объятия.

Лейтенант Хантер дал им минуту, бросив взгляд на часы.

– Как все прошло? – спросил он, пожимая Кони руку.

– По плану. Я сообщил Эмилю точные координаты своего «падения». – Конрад еще не остыл от возбуждения, говорил отрывисто и с хрипотцой. – Ровно над экватором и семьдесят три градуса к востоку от Гринвича. Километров двести отсюда.

– Думаю, твой звонок Эмилю собьет с толку нашего босса. – Он говорил о Вуди Стэнфорде, стоявшем во главе наркотрафика.

Они все точно рассчитали, часами разрабатывая план, – последний, взяв за основу извещение авиастроительной компании. В нем Конрад, имитируя катастрофу, слабо, *но достаточно для Стэнфорда*, акцентировал этот момент телефонным звонком Эмилю. Но никак не Хантеру.

Охотник устал. Устали его бойцы. Они не могли просто так уйти из-под влияния наркодельцов. Они хотели уйти красиво, сорвав напоследок солидный куш.

Лишь Конраду досталась незавидная участь вечного беглеца. Он рисковал больше всех, но его доля в этом мероприятии была самой высокой. Скоро у него будет много денег. Он подумывал не только о новых документах, но и о новой внешности. Можно изменить форму носа, ушей, увеличить подбородок.

Из грузового отсека, расположенного над радиатором, британские «котики» выгрузили контрабанду и разместили мешки, по три килограмма в каждом, в двух лодках.

Топлива в баках самолета осталось лишь на взлет и посадку. Канистры с керосином на «зодиаках» остались нетронутыми.

Бойцы отсалютовали высокоплану, сорвавшемуся с края берега, прощальным взмахом руки. Кони посадил самолет на воду в пятистах метрах от острова. Выбравшись на крыло, он открыл дверцу багажного отделения. Опустошил магазин карабина, проделав отверстия под форкилем и буквально расстреливая регистрационный номер. В образовавшиеся дыры тотчас хлынула вода.

В «зодиак» с Хантером за блоком управления Конрад прыгнул, уже стоя по колено в воде.

Сейчас, когда по его щекам потекли слезы, он проклял и себя, и товарищей. Он не представлял, в какую тяжесть выльется прощание со своей крылатой машиной. Он словно застрелил преданного пса.

Весна обняла его за плечи.

– Все пройдет, Кони...

Хантер посмотрел на часы и в очередной раз вышел на связь со своим шефом.

– Вуди, этот ублюдок так и не появился, – докладывал он в конфиденциальном режиме по спутнику. – *Он кинул нас*. – Хантер бросил быстрый взгляд на Кони. – В этот раз на борту его самолета было слишком много товара. А я тебя предупреждал!..

– Не шути, приятель. Ты же не хочешь познакомиться с моими братьями и сестрами.

– Они кто, напомни?

– Спроси, «они где?» Они на кладбище. Жди еще – сутки, двое, вызывай пилота на связь...

– Боюсь, что сегодня мы сторонние наблюдатели, мать вашу!.. Все, я выхожу из игры...

2

Вуди Стэнфорд находился в служебной командировке. За неполных три дня он успел побывать в двух столицах Шри-Ланки, официальной и фактической. Официальная, по определению, застревала в зубах Стэнфорда и перхала в его глотке сингальским свистком – Шри-Джаварденепура Котте. Фактическая вылетала из горла легким английским рожком – Коломбо.

Стэнфорд подумал о том, что после ста пятидесяти лет британского правления страна, получившая в 1948 году независимость, еще не жила спокойно. Сплошные столкновения между тамилами и сингалами, войны между правительственными войсками и марксистскими повстанцами, набеги на соседние Мальдивские острова. Пятнадцать лет назад, вспоминал английский контрразведчик, в страну ввели индийские войска. Еще через три года тамильские террористы ухлопали президента Премадаса.

Стэнфорд размышлял над этим в компании Гуджрала, чья партия имела пять голосов в парламенте. «Включая хриплый баритон самого Гуджрала», – не преминул заметить Стэнфорд в продолжение музыкальной темы.

Они находились в официальном представительстве партии в Коломбо. Хозяин походил на индийского раджу – дорогой костюм, пышные лоснящиеся усы, сросшиеся с бакенбардами. Его безымянный палец венчал перстень небывалой красоты. Стэнфорд также был одет в деловой костюм. Он, глядя на украшения меднолицего собеседника, ухмыльнулся: «Если что-то и венчает мои пальцы, то это ногти». Англичанин следил за своими руками. Ухоженные, изящные, как у пианиста, его кисти словно произрастали из манжет белоснежной рубашки и удивляли чистотой. Его любовница однажды сказала: «Твои руки нужно увековечить в масле».

В этой комнате, предназначенной для частных бесед и секретных переговоров, Стэнфорд говорил открытым текстом – то спокойно и демонстративно вдумчиво, то нервно и едва владея собой. Сейчас он, обдумывая ответ на вопрос Гуджрала, прикурил очередную сигарету и потянулся к рюмке.

Водку он пил маленькими глотками, как виски, и непременно морщился. Опять же наигранно он обшаривал стол своими колючими глазами в поисках другого напитка. Но другого напитка не было. Хозяин богатого представительства хлебал водку как квас, не моргая, не щурясь, не закусывая, и Вуди искренне удивлялся, почему Гуджрал не палит при этом индийскую коноплю. Собственно, речь шла о ней, конопле, произраставшей на юге острова, превратившейся путем нехитрых операций в марихуану. Ее крепость и чистота удивляли даже эстеров от наркомании. Травка навевала не благие мысли, а натурально целомудренные помыслы. Что касается опия...

– Ты потерял пятьсот килограммов, – снова напомнил Гуджрал. – Ты меня хорошо понимаешь?

– Так же хорошо я бы понял и десятую часть населения острова, которая говорит на английском. Не я потерял, а мы потеряли, – акцентировал Стэнфорд. – Хорошо, это я нанял пилота, и он нас ни разу не подвел. Теперь послушай, что сделал ты: нагрузил его самолет, и там, где должен был сидеть сопровождающий, «сидел» мешок с марихуаной!

– Я тебя предупредил – мне нужны деньги.

– Не забыл, с кем ты разговариваешь? – недобро сощурился Стэнфорд. – Ты имеешь честь беседовать с шефом департамента британской контрразведки, – длинно и ядовито представился он, уставший еще и от встреч со своим шриланкийским коллегой. – Теперь припомни, кто ты. Лишь маленький, – Стэнфорд сблизил пальцы и прищурился через едва приметный просвет на собеседника, – ничтожный лидер карликовой партии.

– Я – шеф Тамильского объединенного фронта, – с вызовом ответил Гуджрал, гордо вскинув голову.

– «Чайной» республики, – не преминул вставить Стэнфорд и выругался: – Черт возьми, этот спор может продолжаться вечно!

Он мог прямо за столом набросать короткую справку на своего собеседника.

Гуджрал – крупный шриланкийский делец. По данным спецслужб, к наркобизнесу Гуджрала еще в 70-х приобщили родственники – известный в Индии клан Гуджралов. Он поставлял террористической группировке «Тигры освобождения Тамил илама» оружие, а те охраняли его наркоплантации. Впервые перехватить гуджраловский героин удалось в 1993 году – 100 килограммов предназначались для США. Затем американцы обрубали налаженные Гуджралом каналы – крупные партии шриланкийского опия поступали из портов Турции, Индии и Пакистана...

– Ты ищешь летчика?

– Прочти вот это. – Стэнфорд вынул из кармана факс, присланный на его персональный компьютер, и ответил на вопросительный кивок собеседника: – Это извещение авиастроительной компании «Хемфри». Читай, читай. Мои люди проверяли – такая информация разослана и в службы безопасности полетов авиакомпаний. Я жду экспертной оценки из технической службы «Хемфри»: как, что, почему. Но уже сейчас догадываюсь, что стало с самолетом, когда он потерял винт. Он во время разрушения фланца находился на малой высоте, у летчика, уходящего от облучения радаров, не хватило времени посадить машину. Даже на воду, – поиграл желваками Стэнфорд. – Она камнем пошла ко дну.

Гуджрал прочитал официальную бумагу и выпил водки. Бросив под нос извинения, он вышел в соседнюю комнату, где его поджидал двоюродный брат, ведавший производственным цехом по изготовлению опия. Он не вмешивался в трафик, однако нынешний прокол ударил его по рукам.

– Ты доверяешь этому англичанину? – спросил он.

– Да, – ответил Гуджрал.

– Как давно ты знаешь Стэнфорда?

– С 1993 по 1996 год он занимал должность офицера связи в шриланкийском центре британской контрразведки.

– Чем он занимался?

– Его работа заключалась в координации политических партий Шри-Ланки, – уверенно отвечал Гуджрал. В то время он уже включился в предвыборную борьбу и немного сочувствовал Стэнфорду, работа которого была отнюдь не простой: президент и премьер-министр страны представляли одну партию – Партию Свободы, а это сто пять мест в парламенте, едва ли не абсолютное большинство. – Стэнфорда автоматически потянуло ко мне, потому что найти общий язык с маленькими партиями было легче, а значит, и работать легче. Никто-никто не хочет перегружать себя работой. К тому времени американцы обрубали мне наркоканалы, я стал везти поставками каучука за рубеж. Однажды я спросил Стэнфорда: «Вуди, ты не хочешь помочь лично мне?»

– Он сразу согласился?

– Он взял паузу. Для британской разведки были важны даже личные моменты членов шриланкийских партий и преступных группировок. Когда он дал согласие выслушать меня, я подвел его к карте.

Гуджрал покосился на карту мира, занявшую полстены этой комнаты. К западу от бывшего Цейлона раскинулись – восемьсот двадцать километров с севера на юг и сто двадцать – с запада на восток – красивейшие в мире острова. Райское место, огромный рынок сбыта наркотиков, расчлененный на сотни островов, нацеленный на десятки тысяч туристов со всего света. Нет постоянного контингента, которого бы мучили ломки и сомнения. Отдохнул, покурив травку, и отправился на родину.

– Стэнфорд довольно легко принял мое предложение. Ему в ту пору было всего двадцать четыре. На год больше было Хантеру, который возглавлял отряд «котиков» на острове Ган. Я видел тревогу Стэнфорда, когда он помог переправить на Мальдивы первую партию марихуаны. Он не скрывал радости, когда получил свою долю от продажи опия – она в пять раз превышала его месячное жалование. И стала в разы превышать, когда на Мальдивы потек наш опиум.

– Хантер до сих пор служит на базе?

– Базы как таковой больше не существует. Британцы заложили ее в 1956 году. Обещали свернуть ровно через тридцать лет. Перевыполнили обещание и ликвидировали ее в середине восьмидесятых. Из контингента там осталось лишь подразделение морской пехоты. Они действуют как наблюдатели, порой выступают в качестве военных советников. Работа у Хантера посложнее, чем у Стэнфорда, а доля меньше. Он принимает груз и доставляет на центральные атоллы. Он приобрел через подставное лицо безымянный остров. Стэнфорд психовал по этому поводу: мол, дело осталось за архипелагом.

Стэнфорд в это время также думал о Хантере, и его сравнения были не в пользу морского пехотинца. Стэнфорд в постоянных разъездах, в работе, в размышлениях, которые стали хроническими и носили общее название, схожее с вирусом гриппа: MI5.

Британская контрразведка стала одной из первых спецслужб, которая поняла: для борьбы с террористами прежняя технология (долгосрочная разработка террористических групп) не эффективна. Здесь, в Шри-Ланке, орудовала сепаратистская террористическая группировка «Тигры освобождения Тамил илама», связанная с «Аль-Каидой», что-то темное скрывалось и под паранджой Мусульманского конгресса. Нет ли здесь угрозы Соединенному Королевству, под мантией которого кишели многочисленные мусульманские общины, – этим и занималась контрразведка, поскольку теперь ее главная задача – выявить угрозу на ранней стадии.

Гуджрал вернулся к собеседнику и занял прежнее место в кресле.

– Я предлагаю погасить убытки, – заявил он. – Ты и Хантер – это две доли...

– А ты, значит, одну – хорошая арифметика! – вспыхнул Стэнфорд.

– Мы посчитаем по-другому, когда ты вернешь товар. Мне не нужны наличные, переведи деньги на мой банковский счет.

– Черт, – Стэнфорд взъерошил волосы, – мне нужно подумать.

В размышлениях он провел ровно минуту.

– Ладно, договорились. Но затраты на поиски самолета мы разделим поровну.

– Я не представляю, как можно делить затраты. Это все равно, что членить дыры, но я согласен. Во что они выльются?

– Работа моих людей ценится высоко. Если этот чертов Конрад взял на вооружение извещение авиастроителей...

– Ты думал об этом? – проявил проницательность Гуджрал.

– Конечно, – соврал Стэнфорд, не моргнув и глазом. Эта версия родилась только сейчас, по ходу его рассуждений. Что получается, быстро прикидывал он. Конрад получает официальное уведомление от «Хемфри» и за ним маскирует свои шаги. А более точно – широченный шаг: продажа опия даже по бросовым ценам обеспечит летчика на всю оставшуюся жизнь. Но в одиночку такое мероприятие ему не провернуть, у него есть сообщники. На Мальдивах? Хоть где. Он затаится в любом укромном уголке и выползет, когда шум вокруг мнимой авиакатастрофы уляжется.

«Хитрый, сукин сын!» – выругался Вуди.

«Слишком много товара», – дважды повторил он про себя последние слова Хантера. Хантер также потерял деньги, и немалые, но, боже, на какую сумму подсел сам Стэнфорд, его партнеры со Шри-Ланки и компаньоны с некогда находившейся под британским протекторатом островной республики!..

Стэнфорд представил себя на месте Кони, всунул в его голову свои мозги... и не нашел отличий. Количество корыстных слотов одинаковое, объем кэша второго уровня измеряется алчностью, память отравлена опиумом. Он сидит не в кресле пилота, а на мешках с наркотиками, упакованных в водонепроницаемую оболочку, и натурально раскидывает умом...

И вдруг Стэнфорд понял, что в этой стройной цепочке есть слабое звено. Чтобы версия Конрада выгорела, ему было необходимо хоть как-то обозначить ее. Как? Он в самолете, с группой «морских котиков» у него есть спутниковая связь. Он подтвердил, что она функционирует, сообщив Хантеру о своем приближении. И спустя минуты он, согласно плану, должен выдать в эфир: *«Неполадки на борту!»* Повторить это минимум дважды и заткнуться раз и навсегда.

Вуди отчетливо представил, как к безымянному острову, на песчаную косу которого приземлился легкомоторный самолет, подходит катер и принимает на борт контрабандный груз. Дождается последнего действия от пилота: он поднимает самолет и сажает его на воду. Когда крылатая машина превращается в субмарину, летчик прыгает с импровизированной боевой рубки в кокпит катера. Вот и все. Он понимает, что версия его гибели одна и найдет подтверждение в авиастроительной компании «Хемфри».

Стэнфорд не мог не принять эту версию, но ее рушило то самое слабое звено. Почему Конрад, имитируя катастрофу, не акцентировал этот момент по радио? *Потому что его маскировка была бы очевидной* – пришел ответ. Но он также не был окончательным.

– Мои люди отработают контакты Конрада, – сказал на прощание Стэнфорд. – Я помню, у него был друг – Эмиль Линге, он также баловался контрабандой, потом завязал.

– Откуда ты это знаешь?

– Это моя работа – знать все о людях, с которыми я имею дело. В беседах с Конрадом имя Эмиля прозвучало несколько раз.

Ровно через два дня Стэнфорд, находясь на своем рабочем месте в Лондоне, выслушал доклад офицера оперативной группы. По словам Эмиля Линге, он не видел Конрада больше месяца. Они не поддерживали связь даже по телефону.

«Не поддерживали даже по телефону...» – повторил про себя Стэнфорд, прижав пальцем бьющуюся под глазом жилку.

– Вы подтвердили алиби Эмиля?

– Да, шеф. Последнюю неделю он находился в Эдаме и занимался установкой нового оборудования на своей сыроварне.

Нечто подобное касалось и других знакомых пропавшего пилота.

Слабое звено сыграло свою роль: цепь порвалась. А вместе с ней пропала надежда вернуть ценный груз и миллионы долларов.

Стэнфорд перечислил деньги на банковский счет Гуджрала, опустошив свой. Хантер, принявший решение выйти из игры, все свои деньги вложил в недвижимость и остался должен своему боссу. Но от Стэнфорда не так-то просто было уйти. Хантер получил задание «не прекращать поиски самолета». И огрызнулся в ответ:

– Может, подскажешь где?

Морпех назвал цифру, которая в воображении Вуди Стэнфорда предстала исторической датой: 1196. Ровно столько мальдивских островов протянулись параллельной двойной цепочкой на подводном хребте.

3

Голландия, сервис при аэропорте Схинхол

Коренастый авиамеханик в темно-синем комбинезоне выглянул в окно мастерской и скривился. Он увидел разворачивающийся на бетонной площадке ярко-красный самолет.

– Снова чертов высокоплан! Уже третий за эту неделю. «Хемфри» перечислил нам деньги за ремонт?

– Нет, – покачала головой молоденькая помощница, также исполняющая обязанности бухгалтера, и повторилась: – Не заглядывая в компьютер, скажу «нет».

Таким же отказом мог ответить и механик: он заменил три фланца, присланные авиастроительной фирмой, и собирался составить акт на утилизацию всех трех бракованных деталей. Собирался.

Словно в отместку ненавистному «Хемфри», он встретил клиента дружеской улыбкой:

– И вы по замене фланца, так?

– Да, – ответил молодой человек, одетый в спортивный костюм.

– Часто летаете?

– Да нет, – пожал он плечами.

– Запчасти на этот тип самолетов закончились. У нас остался *единственный* фланец из предпоследней поставки. Вас устроит витринный экземпляр? – Механик показал за спиной бухгалтеру кулак: «Молчи».

– Если он не бракованный.

– Ну что вы! Согласны оплатить наличными? Если да, то вам придется самому взыскивать деньги с фирмы за фланец и ремонт.

Клиент развел руками: «Куда деваться? Жизнь дороже».

– Давайте оформим заказ. Как ваше имя?

– Эмиль Линге.

Глава 2

ЗОЛОТАЯ ЛИХОРАДКА

1

Лондон

Томас Рейман окидывал скучающим взглядом серый пластик в кабинете редактора лондонского еженедельника «Топ Секрет». Вот уже на протяжении двух с половиной лет, что они знакомы с Адамом, неизменными оставались офисные стол-уголок и кресла, стеллажи и фиолетовые разводы на редакторском мониторе.

Рейман поправил ворот застиранной рубашки и повел шеей. Он в последнее время относился к работе по-простому – что получится, то и получится. Думает ли про него в этом свете сам редактор? Пристальный взгляд на Адама. Он сосредоточен, чуточку нахмурен, как всегда, взъерошен. А еще он принципиален: взялся за шестистраничную рукопись сам. Похоже, он перевалил за середину экспресс-детектива и пока недоумевает, в чем же соль этого незатейливого рассказа, где убийца обозначен с первой строчки, какова развязка. Что он скажет, прочитав последнюю страницу и финальную строку? В прошлый раз он изрек: «Да я во сне могу такое написать».

Этот экспресс-детектив Томас набросал вечером вчерашнего дня. Наутро он, сделав кое-какие правки и дав ему название («Ревность»), позвонил в редакцию и договорился о встрече. Обычно за месяц он писал пару коротеньких детективов, один точно выходил в еженедельнике.

Томасу исполнилось в мае тридцать один. Он не имел постоянной работы, но в соавторстве с английскими историками написал около десятка специализированных книг. Очередная вышла в феврале общим тиражом четыре тысячи экземпляров и носила длинное, как у диссертации, название: «Хроника боевых действий подводных лодок Германии во Второй мировой войне». Историческое повествование оставило немало белых пятен. В какой-то момент они превратились в искры, брызнувшие из глаз молодого ученого, и он намеренно не включил в книгу несколько интригующих моментов. Что означало и другое: от коллег и соавторов он утаил материалы, которые почерпнул в секретном архиве Корпоративного подразделения британской контрразведки. Его отдел, отвечающий за секретные досье и файлы с ограниченным доступом, стал для Томаса Клондайком. Там пылились без всякого проку архивы Второй мировой, капля в море по сравнению с архивами «мировыми».

Сотрудники отдела виделись Томасу стаей собак на копенке сена. Перехваченные англичанами письма немецких солдат и офицеров, телеграммы командования Третьего рейха, отдельные приказы и прочее без толку валялись на трех стеллажах. Ему разрешали копаться в документах, которые не были обозначены никакими грифами. Лишь на входе в прохладное, в стиле модерн, помещение распростер свои мрачные крылья «гриф» в виде креста – символ службы. У входной металлической двери, отделанной светлым пластиком, нашел место стол – четыре тонкие ножки и крышка. За ним и работал Томас Рейман, низко склонившись над пожелтевшими бумагами и перенося букву за буквой на невинно чистые листы блокнота. В коротких перерывах он избегал взгляда камеры видеонаблюдения, которая упрямо сканировала его, будь он за столом или у стеллажей.

Для спецслужбы эти старые материалы не представляли ценности ни в плане внутренней, ни внешней разведки. Британский контрразведывательный аппарат был озабочен новыми угрозами, исходящими от организованной преступности. Он противодействовал ливийским, иракским, палестинским террористическим группам, вел борьбу с иранскими диссидентскими

группами и исламскими террористами. Он ведал финансами и расследовал республиканский и роялистский терроризм в самой Британии. Он шпионил против России и Китая. Он вступил в эру новейшей истории, которая не позволяла сделать шаг назад, даже просто повернуть голову. Прошлое навсегда осталось в прошлом.

«Счастье всегда в прошлом», – так, кажется, говорят, припомнил Томас. Он только сейчас заметил жест Адама: не отрываясь от чтения, он пододвинул к собеседнику пепельницу. Он читал последнюю страницу и все больше хмурился, не видел, «где тут детектив».

«Читай, читай», – еле заметно улыбнулся Томас.

Он прикурил и пустил дым в сторону приоткрытого окна. Ни он, ни кто-либо другой не мог ли представить, что этот короткий детектив станет очередной точкой отрыва в сложном деле немецкой субмарины.

У Реймана было бледное продолговатое лицо с узкими, будто выгоревшими бровями. Крылья его тонкого носа разошлись, а губы вытянулись в улыбку, когда редактор закончил читать и положил листы справа от себя.

– Твоих героев – их здесь трое, – уточнил Адам, – с легкостью могла задушить святая Тереза. Неплохая работа, мне она понравилась. Как говорят вампиры – тушите свет. У меня предложение.

– Валяй предлагай.

– Сместить время действия этак лет на пятьдесят вперед.

– Зачем? – спросил Томас, затушив окурков в пепельнице и морщась от дыма. – Что, когда читаешь, реальность пропадает? Ну хотя бы периодически?

– Нет, – ответил Адам. И по его полноватому лицу было видно, что он говорит искренне. – Хорошо, переделывать ничего не будем. Закажу художнику стилизованный рисунок. Да, так и сделаем. Уже вижу собачью пасть, окровавленную ленту от шляпки, вмятую в горло. – Адам произвольно сглотнул. – И вот еще что. Мне не понравилось название – «Ревность». Как насчет... «Откровение»?

– Согласен.

Подписав договор, получив деньги, пожав руку Адаму, Томас отправился домой. По пути он купил замороженные шницели в сахарной присыпке. Поставив котлетки в микроволновку, Томас выпил пива. Он настраивался на предстоящий разговор с одним из сотрудников контрразведки, имеющим итальянские корни. Собственно, в телефонную трубку он скажет пару коротеньких фраз, договариваясь о встрече.

2

Гарри Капано бросил взгляд на настенные часы – двадцать минут, отведенные им самим на тренировку в гимнастическом зале управления, истекли. Он отпустил руки с тренажера и какое-то время сидел, закрыв глаза, неподвижно. Тенниска пропиталась потом, горячие капли собрались на лбу и затылке, чтобы стечь по щекам и спине уже холодными ручейками.

Он прошел вдоль гимнастических станков, за которыми находились его сослуживцы. Задержал взгляд на молодой женщине. Она была в коротком спортивном костюме, который также намок в районе груди, подмышек и бедер. Сидя за тренажером, она невольно копировала откровенный снимок принцессы Дианы в такой же позе, обошедший все желтые издания.

В раздевалке Гарри открыл свой ящик, сбросил тренировочную форму, прихватил полотенце и прошел в душ, парящий от горячих струй. Он проведет здесь ровно пять минут, такой же короткий отрезок уйдет на то, чтобы надеть рубашку, костюм и сдать грязную форму в прачечную, – все было расписано с немецкой пунктуальностью и никогда не нарушалось. У него останется порядка четверти часа обеденного перерыва, чтобы перекусить сэндвичем в баре и вернуться на свое рабочее место с бумажным стаканчиком кофе.

На внутренней стороне дверцы крепилось зеркало. Гарри, близоруко сощурившись, оглядывал свое отражение и вытирался полотенцем. Он носил короткую бородку. Раз в неделю парикмахер подравнивал длину, но не окантовывал. Она естественно уползала за шею, где бурно сливалась с волосатой грудью.

Капано надел очки в тонкой золотистой оправе, и его большие карие глаза стали меньше – такими, какими привыкли их видеть все. Может быть, эта деталь делала его на пару лет моложе.

Он поднялся в свой офис, оформленный в современном – в светло-серых тонах – стиле. За стеклянной перегородкой собирались по одному сотрудники его подразделения.

В его отсутствие поступил телефонный звонок от Томаса Реймана. Он и Томас окончили один колледж и были ровесниками. Набрав номер друга, Гарри сделал глоток кофе.

– У меня проблема, – заявил Том, приветствуя разведчика.

– Какая? – спросил Капано, снова улыбнувшись.

– Затерянная в веках.

– И для ее разрешения требуется много времени.

– В точку попал. Встретимся у меня вечером?

– Извини, не смогу.

– Вот как? – В голосе Томаса просквозило разочарование.

– В ближайшие день-два я занят по уши, – врал Капано. Его не устраивала встреча в «клоповнике» Реймана, где, по его определению, воняло дешевой сигарой, затушенной в моче. – Сейчас у меня часовое «окно», сможешь подъехать? Я выпишу пропуск.

– Пожалуй, да, – с небольшой задержкой дал согласие Томас.

Капано первым положил трубку и позвонил в приемную, подтвердив:

– Да, я лично встречу его.

Томас вышел из такси на набережной и направился в сторону здания, в котором после реконструкции, завершившейся в 1994 году, появились офисы для двух с половиной тысяч человек персонала контрразведки и парковка на восемьсот мест.

Посетителя поглотили зеркальные двери фешенебельного здания. Томас, оказавшись в холле, тут же увидел Гарри. Тот шагнул навстречу и пожал ему руку:

– Неплохо выглядишь. Обычно ты замотанный. Хорошее настроение?

– Вроде бы. Утром получил кое-какие деньги – и сразу к тебе.

Капано рассмеялся и подвел товарища к стойке. Тот прошел стандартную процедуру проверки, и Гарри кивнул: «Ну что, пошли?»

Они поднялись по лестнице на третий этаж.

– Как твоя Софи? – поинтересовался Томас. – Давно не видел ее.

– Нормально.

Рейман незаметно усмехнулся. Вчера вечером он остановил свой джип на окраине королевского зоопарка, где летними вечерами играли Шекспира.

Софи Капано сидела на заднем сиденье и нервно покусывала губы.

– Нужно было остаться дома, – бросала она. И лихорадочность еще больше возбудила ее. Как всегда короткий, но неистовый секс с Томасом стоял на ступеньку выше затяжных «поединков» с Гарри. Она смотрела на затылок любовника, но видела и его отражение на затемненном лобовом стекле машины.

– Иди ко мне...

– Ты уже мокрая?

– Сволочь...

Томас знал, как еще больше завести Софи, и отвел ей пару минут. Когда он перебрался на заднее сиденье, женщина подняла широкую юбку, обнажая черные кружевные трусики, и раскинула ноги. Она снова смотрела в окно. Мимо машины прошла пожилая пара. Они не

видели, что происходит внутри, а Софи казалось, они резко смагивают от контраста белого тела и черного белья. Видят неторопливые движения ее партнера.

Софи изменила положение и притянула Томаса к себе за бедра, нашла его член и плотно обхватила влажными губами. Томас басовито постанывал, касаясь головой обивки салона, и вскоре перешел на ритмичные движения. Он проникал глубоко в горло партнерши, чувствуя приятную боль от ее зубов и жестких прикосновений языка. Он сильным движением оттянул ее трусики, и они вонзились в тело, резко обозначая возбужденные бугры.

– Сильнее... – едва не вскрикнула она, отстраняясь от любовника.

Удерживая за белье, Томас перевернул женщину на живот. Она уперлась рукой в спинку заднего кресла, касаясь лбом холодного стекла. И снова ловила скользящие по машине взгляды прохожих и негромко постанывала.

– Отвези меня домой, – сказала Софи по истечении пары минут. Сказала голосом изнасилованной девушки, на сей раз избегая даже взгляда любовника. Томас не знал, играет ли она в такие моменты или испытывает стыд, вину и унижение. И так повторялось раз за разом. У нее было две памяти, пришел он к выводу: одна короткая, другая длинная. Она умудрялась быстро забыть близость, но жила с этим и не могла дожидаться следующего свидания.

Томас не мог сказать, полностью ли его устраивает такое странноватое поведение любовницы. Но он всегда приходил к одному заключению: «Хорошо, что она не смеется как дура и не просит добавки. Это уже не мое, а Гарри дело». Что интересно, ни он сам, ни Софи ни разу не спросили себя: а что, если Гарри узнает о связи своей жены со своим школьным другом? Наверное, ответ стоял в двух парах глаз. Нет, пожалуй, в трех, поймал себя на мысли Томас, видя лосиные глаза товарища.

Год назад он без труда и зазрения совести соблазнил Софи. Он пришел в гости к Капано. Поджидая друга, он дал ознакомиться хозяйке со своим очередным детективом. Сюжет был прост до безобразия: один ухлопывает другого и валит вину на третьего. Смертоубийство происходит на сексуальной почве, с бесстыдными подробностями полового мероприятия. «Кажется, – припоминал Томас, – Софи сказала: «Такое чувство, что ты писал с натуры». Потом она попросила налить ей виски. Он подал ей стакан, их пальцы встретились. Потом – глаза. Он во взгляде Софи прочел то, что должен был прочесть. В этот вечер она так и не узнала, какие у него губы, какой язык. Она стояла, опершись о подлокотники кресла и высоко подняв голову. Халат был снят с одной руки и топорщился на ее спине верблюжьим горбом. Томас делал быстрые и резкие движения, словно накачивал велосипедную шину.

Приятели шли по коридору третьего этажа. По сравнению с уважаемым и спортивным Капано Рейман выглядел заморышем: сутуловатый, с длинными руками и широкими ладонями. Он воровато поглядывал на прозрачные двери офисов управления.

– Ты обедал? – спросил Томас.

– Да.

– Я слышал, что ресторан для руководства...

– Я боюсь там обедать, – перебил Гарри. – Вдруг запачкаю ковер. Знаешь, квадратный ярд ковра в ресторане стоит семьдесят фунтов. Вычтут из зарплаты, – задорно рассмеялся он. – Обычно я перекусываю в баре. Я не курю, потому чувствую там себя вполне комфортно.

В своем офисе Гарри указал гостю место напротив своего рабочего стола.

– Хочу еще раз поблагодарить тебя за возможность пользоваться вашими архивами, – сделал вступление Томас.

– А, ерунда, – отмахнулся Капано. – Мне помогли старые связи в Корпоративном управлении, где я работал.

– Да, я помню. – Томас снова, как и в кабинете редактора, поправил воротник рубашки. – Работая с архивами, я натолкнулся на любопытный материал. В твоём кабинете можно говорить открыто?

– Другого безопасного места я не знаю.

– Речь идет о немецкой подводной лодке «Оракул». По некоторым сведениям, на ее борту находилось золото, порядка одной тонны.

Рассказ Томаса занял не меньше получаса. За это время он поведал, из каких других источников информации он получил дополнительные материалы, и сумел подтвердить свою версию. Смелую? Пожалуй, она предстала с дерзким лицом.

– Ты кому-нибудь говорил об этом?

– Не совсем «об этом».

– То есть?

– Я собирал информацию. В общем... еще один человек в курсе моих исследований. Это правнучка доктора Небенфюра, который участвовал в разработке «оружия возмездия». Он в феврале 1944 года находился на подлодке. Я нашел адрес Рут в Интернете и навестил ее. Она живет в Голландии.

– Чем ты обосновал свой визит?

– Все просто. Я представился, подарил ей свою книгу. Сказал, что биография ее деда поможет мне в работе над очередной книгой. Предложил деньги. Она поначалу заколебалась, потом... Да, наверное, ее отпугнул мой прямой вопрос, касающийся февральских событий 1944 года. Но я не ушел с пустыми руками. Хозяйка вручила мне листок, он начинается коротким абзацем: «Эксперименты по запуску ракет с двенадцатиметровой глубины показали, что двигатель прекрасно работает в толще воды». Я уверен, что это рука ее прадеда.

– Ты уверен, что Небенфюр находился на немецкой подлодке?

– Об этом говорят и другие документы. Он попал в непростую ситуацию, когда командир «Оракула» откровенно дезинформировал свое командование. Капитан субмарины отвернул с курса и взял направление на Мальдивские острова. Там он атаковал немецкое судно, затопив его в Экваториальном проходе. И сам сгинул в том же районе.

Часовое «окно» растянулось на два полноценных тайма. Гарри Капано не спешил спрашивать школьного товарища. Едва Рейман поставил точку в своем очередном детективе, основанном на реальных событиях, Гарри ощутил в груди толчок и с этого момента решил, что это его дело, что он по недоразумению забыл о нем и вот Томас напомнил.

Он смотрел на историка и незаметно качал головой. Он ничего не смыслит в делах такого рода и откровенно не сдержан. Он не умеет держать язык за зубами. Точнее, он не обучен приемам сбора информации. Хотя прикрытие у него весьма солидное: он автор нескольких книг о германском флоте и, вполне естественно, собирает информацию; он черпает ее не только из документов, но и получает от живых людей. Все верно. Но как он это преподнес, явившись к Рут! Напряг девчонку одной-единственной фразой о февральских событиях.

Гарри запросил из архива старые документы. Минимум через полчаса их доставят в его кабинет в специальной емкости.

– Дай мне адрес этой Рут. – Гарри записал адрес в рабочий блокнот и постучал им по поверхности стола. – Повтори еще раз, как прошла беседа с Рут, припомни мелочи.

И снова Гарри качает головой, искоса поглядывая на товарища. Он не раздражен, разве что чуточку раздосадован. Ему в какой-то миг показалось, что Рут в курсе дел и ведет свое расследование. Или начала, едва Томас убрался из ее дома.

– Что мы имеем на этот момент? Во-первых, это пересечение интересов. Возможно, у Рут есть то, чего недостает нам: место гибели немецкой субмарины. Смотри на меня, Том. Больше никаких инициатив, ты понял меня?

– Да, – наклонил голову Рейман.

«Боже, – нашел в себе силы улыбнуться Капано, – сколько золота покоится в железном чреве субмарины! Впору просить у всевышнего пять, десять жизней». Он помрачнел, продол-

жив: «Нет, одиннадцать – одна жизнь уйдет на поиски». Но главное для Гарри – цель, окутанная в перспективу.

Тысячи кладоискателей тревожат воды мирового океана. Сотни спецслужб роются в архивах в поисках ключей, открывающих тот или иной замок. В какой-то момент Капано поймал себя на мысли, что Томас разыгрывает его, и весьма умело. Впору пошарить глазами в поисках скрытой видеокамеры.

Нужно время, чтобы осмыслить происходящее и вполне реально ощутить неподъемный груз золотых слитков. Нужно обратиться к свежей статье в «Гардиан», ставшей для темпераментного Капано допингом.

«На острове Робинзона Крузо в 560 километрах от побережья Чили обнаружены сокровища, оцениваемые в 10 миллиардов долларов. «Крупнейшим в истории кладом» назвал находку юрист чилийской компании «Вагнер», организовавшей поиски. 600 бочонков со статуэтками из цельного золота и потрясающей красоты ювелирными изделиями эпохи инков находились на 15-метровой глубине».

Капано проводил Томаса и вызвал помощника. У лейтенанта Сиды Бриггса было множество крупных родинок на лице и шее, длинная рыжеватая челка постоянно падала на глаза. Капано передал ему листок с записями.

– Узнай номера телефонов этого человека.

– Рут Небенфюр, – прочел Бриггс, покивав.

– Возьми на контроль все телефонные звонки и месседжи. Если она выходит в сеть, сканируй все электронные сообщения. Скачай все адреса, к которым она будет обращаться. Подключай парней из нашего голландского отдела и департамента оперативной поддержки.

– Это не трудно сделать, – ответил Сид. – Ты не хочешь ввести меня в курс этого дела?

– Да, конечно. Одному мне с ним не справиться.

Сегодня вечером Гарри Капано пришел домой с букетом цветов и вручил его жене. Софи усмехнулась «венику»:

– Я делаю вывод, что сегодня вечером ты не завалишься в паб и не нажрешься, как свинья. Чего встал, проходи, хренов оборотень!

Гарри закрыл глаза. Ему захотелось проснуться, но он не спал. Не ошибся он и дверью. «Что за чертовщина?!» – думал он, не успев сказать запланированного: *«Пусть в нашем доме расцветает миллион цветов».*

Он разулся и поставил ботинки в прихожей. Слепо прошел в гостиную, соседствующую со столовой, и сел в кресло. Отсюда был виден край спальной кровати.

– Боже мой, Гарри! – услышал он голос Софи. – Вот уж не думала, что невинная шутка может выбить тебя из колеи.

Гарри едва поборол в себе желание заехать жене в лоб. Со всей силы.

3

17 августа, среда

Гарри попал в точку, когда получил от Бриггса результаты сканирования компьютера Рут, и порадовался своей оперативности.

– Кретин! – обозвал он Эмиля Линге. Летчик-любитель был первым в списке, с кем общалась Рут, как посредством электронной почты, так и по мобильной связи. Эмиль буквально сыпал сообщениями. Несколько посланий оказались весьма ценными. «Икар» отрапортовал своему отцу, проживающему в Лейдене: «На твой день рождения приехать не смогу – улетаю в Испанию. Там у меня назначена встреча с Рут».

На Линге было собрано порядочное досье еще и по той причине, что он оказался в центре кокаинового скандала. Сидя в удобном кресле, Капано слушал обстоятельный доклад Сиды Бриггса.

– В 1999 году Эмиль Линге, тогда еще владелец «Сессны», находился под подозрением в контрабанде наркотиков. Он попал в поле зрения сотрудников мобильного подразделения наблюдения, которые отслеживали связи британских наркоторговцев с голландскими. Когда он не появился на очередной встрече с английскими партнерами, оперативники сделали румпельный вывод: он либо супершпион, почувствовавший запах жареного, либо полный болван.

– Что значит «румпельный»?

– Команда «право на борт» означает поворот судна влево. Как сравнение противоположностей.

– Ты беседовал с оперативниками?

– Разумеется, – подтвердил Сид. – Как бы то ни было, но Эмиль продал свой самолет и купил сыроварню.

– Продал самолет и купил сыроварню? Похоже на анекдот.

– Похоже, – согласился Бриггс. – С той поры – прошло шесть лет – Линге ни разу не видели в Лондоне. А в Голландии ему предъявить нечего. Там он может скупать легкие наркотики мелкими, средними и большими партиями.

– И какой же вывод ты сделал? Кто он, этот Эмиль Линге?

– Он супершпион-кретин, – дал характеристику Бриггс, – и как две капли похож на твоего Томаса Реймана. Некоторые сайты, к которым обращался Эмиль, несли в своих названиях английское слово dive. Глагол to dive – значит нырять, прыгать вниз, погружаться.

– Спасибо, что напомнил.

– Но Эмиль знает еще один английский термин – дайв-сайт – место погружения. Знает и рэк – затонувший объект, а также название объекта – «Оракул». Он знает больше нашего.

– Черт возьми, версия Реймана подтверждается. С золотом или без золота, но «Оракул» покоится на морском дне, и от этого факта никуда не уйти. Маленькая компания голландцев на пути к затонувшему объекту, – покивал Капано. – Ты прав, они знают точное место его затопления.

– Очень маленькая компания, – подкорректировал Бриггс. – Перехваченные сообщения указывают лишь на самого Эмиля Линге и его подругу Рут Небенфюр. В своей миссии они продвинулись ненамного – пока что Эмиль подыскивает водолазов. Может быть, нашел таковых, назначив встречу с подругой на испанском курорте. Я говорю об инструкторах подводного плавания.

Гарри еще раз перечитал перехваченное сообщение:

«Дорогая Рут! Я нашел отличное место для наших переговоров и забронировал номер в отеле «Берег мечты». Наш номер 10. Можешь приезжать в Каталонию хоть завтра. Ты легко найдешь эту гостиницу. Туда тебя довезет любой таксист. Но я тебе советую взять частника. Эмиль».

Этот факт не мог не беспокоить Капано. Он легко представил, как Линге вводит инструкторов в курс дела. В работу включалась сводная сестра геометрической прогрессии: 2 человека – это 11 человек, 3 – 111, и так до бесконечности, единички-палочки устанешь рисовать.

– Пока их двое, нужно избавиться от них, – сказал Капано. Он работал в управлении британской контрразведки, которая никогда не стремилась создать у себя собственный спецназ, – для захватов террористов используются подразделения Специальной авиадесантной службы. Физическим устранением занимались спецагенты и мобильные отряды наемников.

Работая в отделе противодействия терроризму, Гарри всегда имел под рукой такой отряд и секретных агентов. «Солдаты удачи» выполняли приказы спецслужб, но доказать их причастность к последним было невозможно.

Размышляя над этим делом (Гарри назвал его просто – «Оракул»), он сделал ставку на отряд, который поначалу занимался тем, что отслеживал студентов из мусульманских стран, поскольку они представляли собой объекты вербовки экстремистами. Наиболее склонных к вербовке студентов порой находили мертвыми в мусорных баках, прикрытых газетами, а в них можно было прочитать: «Мы не можем вышвырнуть их из страны только потому, что они мусульмане».

Наемники не упоминались ни в одном документе, будь то главная регистратура или регистратура для временных досье. Деньги им платили не из бюджета, который в этом году перевалил за миллиард долларов, а из секретных фондов казначейства.

Во главе отряда наемников стоял бывший флотский офицер Сергей Соболев. Он проходил службу в роте спецназа «Комаччио» и был специалистом по борьбе с разведывательно-диверсионными группами. В спецотряд он попал из королевской морской пехоты, пройдя полный курс по программе командос в учебном центре в Лимпстоне. А в Британию попал, когда ему не было и двадцати.

Гарри позвонил Соболеву и назначил встречу в пабе «Кучер и кони».

4

Высокий, сухопарый, в очках в неизменной золотистой оправе, одетый в деловой костюм светлых тонов, Капано походил на кого угодно, только не на разведчика. Более плечистый Соболев был похож на спившегося офицера и ни на кого более.

Гарри усмехнулся шутке Софи, обозвавший благоверного «хреновым оборотнем», и непрозрачному намеку Соболева: «Вот если бы у меня были деньги...» – и заказал пиво.

– Давно не видел тебя, Сергей, – снова улыбнулся Капано.

Соболев молча кивнул и неторопливо прикурил трубку.

– Здесь не курят, – напомнил Гарри.

– Пусть мне запретят, – скупно отозвался морпех.

Они встречались в этом пабе второй раз. Под голоса вечно возбужденных футбольных фанатов здесь можно было без опаски говорить на любые темы. Сегодня, 17 августа, снова обострился вопрос, касающийся переговоров «Челси» с «Лионом». Капано поймал себя на мысли, что он не в пивной, а на дикой бирже, где заключаются бешеные сделки. Полупьяные, бритоголовые, раздетые до пояса брокеры выкрикивают баснословные суммы: хозяин «Челси» выложил за двух игроков почти сто миллионов долларов! С ума сойти...

Гарри понял одну вещь: будь у него хоть капля сомнений, ее бы перемололи круглые, как колеса, нули восьмизначной суммы. Ее швырнули с экрана телевизора и попали точно в Капано, взбивая в его итальянской груди коктейль из зависти и злости. Пожалуй, он впервые испытал вкус жгучего напитка под названием «Шанс».

«Либо все, либо ничего?» – спросил он себя и покачал головой. Вопрос так не стоял. Он останется при своих, если дело с немецкой субмариной не выгорит. Во всяком случае, он постарается. Его запросы в управления и отделы не останутся без внимания всевидящего руководства. Гарри уже нашел причину, которая, одевшись в версию, удовлетворит его шефа. В крайнем случае, ему придется отчитываться перед «серым кардиналом» – так называли начальника службы внутренней безопасности Вуди Стэнфорда.

– Ты верно заметил, мы давно не виделись, – голос Сергея Соболева вернул разведчика в реальность.

– Но я отметил переводом на твой банковский счет, – парировал Капано.

– Те восемьсот фунтов давно кончились. Есть работа?

– Нужно съездить в Испанию. Отбери пару человек, завтра я приготовлю на их имена документы прикрытия, авиабилеты, деньги. Клиентов двое – Эмиль Линге и Рут Небенфюр.

Они остановятся в отеле «Берег Мечты». Номер комнаты установлен точно. Для твоих людей я забронирую номер в туристическом центре. Никаких исторических и культурных памятников: отель, пляж, бассейн, ресторан, ночная дискотека.

– Я не собираюсь покупать этот курорт. Денег у меня наберется разве что на ящик прибрежной гальки. Что дальше?

– Эмиль Линге прилетит на собственном самолете. Его подруга, скорее всего, воспользуется авиакомпанией.

– Этот Линге... – диверсант сделал паузу... – он богатый клиент?

– Не переусердствуй, Сергей, и не заводись. Мне нужно, чтобы он и его подруга замолчали раз и навсегда. Но перед этим ответили на один-единственный вопрос. *Меня интересуют точные координаты «Оракула».*

– Координаты «Оракула»? – Соболь громко почесал небритый подбородок. – Да, я запомнил. Значит, Эмиль незажиточный парень.

– Нет, он не богат. Раньше он баловался контрабандой наркотиков, потом завязал и открыл бизнес в Эдаме.

– В Голландии?

– Да. После тебе придется съездить туда и забрать из дома Рут Небенфюр кое-какие документы. Возможно, часть бумаг хранится у Линге. Опять же возможно, что бумаги они прихватят с собой. Это и предстоит выяснить на месте.

– Я понял. – Соболь скосил глаза на недовольного бармена и громко спросил: – Тебя что, воротит от табачного дыма?

– Нет, – быстро ответил бармен, столкнувшись с холодным взглядом рослого клиента.

– Принеси еще пива. – Сергей выбил трубку в пустой стакан и сдул дым, словно держал в руках только что отстрелявшее ружье и готовился к очередному выстрелу. Он перевел взгляд на собеседника. – Мне кажется, поездками в Испанию и Голландию дело не ограничится.

Капано напустил тумана:

– Надеюсь на это, Сергей, очень надеюсь. *Кстати, ты давно не погружался с аквалангом?*

– Смотря куда, – хрипло рассмеялся Соболь. – Запоминай. – Он придвинулся ближе к собеседнику. – В Испанию поедут двое: Пол Дэвис и Марк Теренс. А я с берегов Темзы посмотрю, что из этого выйдет. Они возьмут и мой паспорт, проштемпелюй его испанской визой на всякий случай.

– Ты стал осторожным, – недовольно скривился Капано.

К этому времени по телевизору начали передавать блок мировых новостей.

Бенедикт XVI отправился в первую зарубежную поездку.

У Хиллари Клинтон появилась соперница.

– Тоже мне новость, – хмыкнул Соболь.

«Это прокурор одного из округов Нью-Йорка», – внес коррективы ведущий теленовостей. Он говорил о появлении на политической сцене малоизвестной фигуры. Сергей снова понял это по-своему:

– Билл запачкал прокурорское платье, молодец, Билл!

Покинув авиасалон в Жуковском, российский президент вертолетом перебрался на аэродром в Чкаловском, где на четыре часа стал членом экипажа стратегического бомбардировщика Ту-160.

– Я всегда был осторожным. – Сергей, отвечая на вопрос собеседника, кивнул на телевизор. – В отличие от некоторых моих земляков. – Он допил пиво и встал из-за стола. – Пол и Марк будут ждать тебя возле станции «Педдингтон». Они подъедут на сером «Астоне». Он похож на пиджак, о который вытерли ноги, так что не ошибешься.

– А что будешь делать ты? – выплеснулось из Гарри недовольство.

– Вспоминать, как пользоваться дыхательным аппаратом. Пока что своим. – Соболев демонстративно и хрипло задышал и закашлялся. – Знаешь, иногда надоедает гасить окурки в собственной блевотине и просыпаться в этом дерьме. Пока, Гарри, и привет родителям. Они еще не сменили адрес?

– Нет, живут все там же, в Букингемском дворце.

Капано не забыл этой шутки, которой они однажды обменялись. Сейчас ему было откровенно не до приколов.

Глава 3 КЛИЕНТ

1

18 августа, четверг

...Далеко внизу плескались воды Бискайского залива. Двухместный самолет шел курсом точно на Бильбао. В сотне миль от морского порта он, согласно флайт-плану, возьмет направление на Барселону и сядет на поле международного аэропорта.

Эмиль представил свою крылатую машину со стороны. Насыщенного красного цвета с голубоватым регистрационным номером под форкилем и типовым названием – «Сэвэдж», она парит над облаками – легкая, как птица, недосыгаемая, как стрела, красивая как внезапная молния, опоясавшая ночное небо. А он повелитель этих трех сил, и за стеклом прозрачного, как воздух, фонаря виден за многие мили.

Под капотом, вдоль которого скользил взгляд пилота, затаилась его смерть. Она приближалась к нему с каждым оборотом винта...

Настроение у него было превосходное. Он снял гарнитуру – наушники с микрофоном, открыл перчаточный ящик и выбрал из коллекции лазерных дисков сборник Барри Уайта. Вставив его в деку бортовой магнитолы и врубив полную громкость, Эмиль вздрогнул: вслед за коротким и насыщенным органным вступлением в салоне грянули, проникая через каждую клетку, мощные басы. Затем Эмиля накрыла волна дрожи – на сей раз от неповторимого, сочного голоса Уайта. *Он пел с небес*: «Ты первая, ты последняя, ты – мое все». Казалось, ритмичная музыка добавляет оборотов шестицилиндровому двигателю, и легкомоторный самолет с каждым мгновением делает переход к иному, более стремительному типу.

Переход – это транс, и Эмиль испытал его на себе в полной мере. Почему только сейчас? Ведь все знакомо – и приличная высота, и громкая музыка, которую он слушал так, как если бы находился за рулем «Феррари». Это ощущение усиливалось тем, что взгляд пилота скользил вдоль ярко-красного капота, за которым бесновался воздушный винт; тем, что он сидел в спортивном кресле с удобной спинкой и заголовником, был пристегнут широким ремнем безопасности. Он находился в кабине, исполненной в стиле «Авро-Линкс» 1930 года, отчего сравнивал себя с Роланом Гарросом.

Эмиль часто летал над Ла-Маншем, и в этот раз его путь лежал через пролив. И всегда Эмиль явственно ощущал, что с высоты полета одно крыло его «Дикаря» касается берега Англии, а другое – Франции. Ни с чем не сравнимое удовольствие. «Гарантированное удовольствие» – как раз сейчас темнокожий певец начал эту песню, а пилот подпевал ему на приличном английском. И даже покачал крылом, накрывшим большую часть фонаря.

Он улетал от Рут, в то же время спокойный полет приближал их встречу. Эмиль запланировал встретить девушку на правах некоего собственника: в испанском отеле ему все знакомо, а для Рут – все в новинку. Она удивлена, а он почти безучастен. Он хотел поймать ее на этом контрасте, походившем в его воображении на разность вкусов. Чтобы не кивать и не соглашаться хором, не выглядеть первобытной парочкой. Все так, если бы не одно «но»: Рут боялась «Дикаря». Она лишь раз посидела в кабине, уперев взгляд в панель из красного дерева, и сравнила самолет с ракетой с отстреливающимися крыльями.

Сейчас место пассажира пустовало как никогда. Эмиль был готов взять обратный курс, лишь бы Рут согласилась на это короткое путешествие.

С Рут он познакомился в мае позапрошлого года в Харлеме на концерте органной музыки. Эмиль положил глаз на стройную брюнетку и начал знакомство с арифметики: пробежав глазами по сводам главного нефа базилики, он заявил: мол, у органа пять тысяч труб. Сейчас то вступление вызвало чувство неловкости, тогда же оно казалось натурально целесообразным. Задавить Рут цифрами у него не получилось. Он помнил ее ответ: «Похоже, тысячи труб скорбят по Франсу Халсу, он захоронен здесь». Эмиль поймал себя на мысли, что они думают одинаково. Вечером того дня, когда они, голые, лежали на кровати и остывали под шампанское, Эмиль мужественно ответил: «Будь у тебя пять тысяч труб, я бы прочистил их все!»

Он никогда не тяготел к истории, особенно к сравнительно недавней. Тем не менее документы предпоследнего года Второй мировой, которые он откопал в библиотеке Рут, втянули его в свои сети. Ему показалось, что он читает документальные выдержки и сводки из увлекательного романа. Это ощущение было настолько сильным потому, что он сам себя представил главным героем. Все так. Он, Рут, их взаимоотношения, мир и время, вращающиеся вокруг них, превратились в недостающие страницы воображаемого романа. У него появилась уникальная возможность своей рукой восполнить значительные пробелы. Насытить их духом романтики, приключений. Он настолько увлекся, что не замечал нахмуренных бровей подружки, не брал в расчет ее досадные слова о том, что их отношения охладели. «Как так!» – недоуменно восклицали и его брови. Как так, когда в груди нет и капли стужи, разве что в мыслях, которые порой текли по прямому руслу холодного расчета. Мороза им добавляла классика: *«Простейший способ освободиться от власти золота – это иметь его в избытке»*.

Прямо по курсу самолета обозначилось жемчужное ожерелье из небольших островов. Эмиль живо представил себя хозяином этого маленького архипелага, мысленно проложил от одного острова до другого дамбу – не что иное, как взлетно-посадочную полосу. Он делает разворот и идет на посадку. Шасси касаются бетонки, и самолет в формате «старт – финиш», пробежав сотню метров, останавливается в самом настоящем раю. Отчаянного пилота встречает безоблачное небо, солнце, розовые скалы, пальмы, зелень полевых цветов и море. И конечно же, Рут...

Сквозь шум мотора и грохот музыки прорезался короткий, как вспышка молнии, звук. То разлетелся бракованный фланец. Винт вырвало вместе с обтекателем, разорвало топливопровод. Редуктор заперхал шестеренками и перемолол их в своем железном брюхе. Эмиль непроизвольно дернул штурвал, руль направления отозвался резким поворотом в обратную сторону. Самолет завертело с такой силой, что не выдержали крылья. «Дикарь» падал, теряя на ходу стабилизаторы и рули высоты. Пилота вжало в спинку сиденья. Он мертвой хваткой вцепился в штурвал, который уже не реагировал на манипуляции летчика и превратился в элегантный держатель. Когда не выдержали кронштейны крепления крыла, обезображенный самолет ушел в глубокое и последнее пики. Он с невероятной скоростью ударился о воду и разломился на мелкие части. Удар был такой силы, что тело Эмиля стеклось в спортивный костюм и бесформенной медузой пошло на дно.

Катастрофа случилась в ста двадцати милях от испанского берега. Диспетчеры ничего не поняли, когда на их радарх вдруг пропал самолет, летевший в барселонский аэропорт. А жизнерадостный летчик, пару раз выходивший в эфир, больше не подавал сигналов.

2

Испания, 19 августа, пятница

Рут никто не встречал... Кроме хозяйки отеля – красивая смуглолицая женщина лет двадцати пяти, – поздоровалась с ней на испанском: «Буэнас тардэс!» Сказала именно «здравствуй», а не «готовься отстегивать на каждом шагу». Она с первого мгновения произвела на

Рут благоприятное впечатление. Для нее клиент был человеком, а не записью в регистрационной книге. Именно так поняла голландка, заглянув в темные глаза улыбочивой Лолиты, одетой в длинный жакет и прямую синеватую юбку.

– Да, я немного говорю по-испански, – ответила она на вопрос владелицы «Мечты» и едва не спросила: «Где Эмиль?» Рут пребывала в недоумении: почему Эмиль не встретил ее. Последнюю неделю он провел в Эдаме. Он нервничал и повторял одно и то же: «*Кто-то вышел на след нашего „Оракула“*». И первым предложил сократить встречи. У него имелся порядочный список из опытных водолазов, которые искали временную или постоянную работу. Сведения о них он черпал в основном из Интернета. Главная трудность – он не имел возможности проверить их на благонадежность. И успокаивал Рут: «Я сумею узнать больше при личной встрече с каждым».

Их кампания походила на рядовое строительство: закладка одного камня, другого... Но основа предприятия – *поиск затонувшей субмарины*.

– Номер на мое имя забронировал Эмиль Линге. Вы не знаете, где он?

– Он останавливался у нас на три дня, потом уехал. Мы ждали его вчера...

«Ждали... Очень мило». Девушка покачала головой.

Она успела осмотреться, прежде чем окунулась в прохладный холл гостиницы. Пятьдесят номеров. Рассчитана на восемьдесят постояльцев. Отличный пляж, бассейн, магазин, ресторан, бар, собственный дайв-центр – в общей сложности на пятнадцать клиентов один инструктор подводного плавания.

Подводное плавание...

«Черт тебя возьми, Эмиль, где ты!» Рут почувствовала себя одинокой, даже больше – покинутой. Эмиль оплачивает номер, назначает встречу и задерживается минимум на сутки. Бросает ее в незнакомой стране, язык которой был знаком Рут исключительно по работе в музее.

Она прикинула сумму, которую взяла с собой, и спросила Лолиту:

– Вы принимаете к оплате кредитные карты? У меня Visa и трэвел-чеки.

– Да, конечно. Что-то не так? – Хозяйка гостиницы заметила беспокойство клиентки.

– Нет, все в порядке.

– Пойдемте, я покажу вам вашу комнату. Отличный выбор – вид на море.

Служащий отеля – высокий и красивый парень с длинными светлыми волосами, – подхватил ее дорожную сумку и сказал что-то странное:

– Ваш образ – это моя ахиллесова пята, на которую я постоянно наступаю.

– Что?

– Во-ло-дя! – отдельно и требовательно, но с улыбкой остановила его Лолита.

Первым делом Рут приняла душ. Накинув фирменный халат отеля, она вышла на балкон. Со второго этажа пляж и море выглядели заманчиво, и только. В другой ситуации Рут пришла бы в восторг от неповторимого пейзажа этого на удивление спокойного каталонского уголка.

Одевшись, Рут спустилась в ресторан, где для нее был накрыт отдельный столик. Она отказалась от мясного, заказала овощной салат и красное вино. Ресторан был расположен в тени просторного пассажа, откуда открывался вид на пляж. Около десятка отдыхающих нежились под вечерним солнцем. Две дамы средних лет перенесли стулья в воду и наслаждались нескончаемой игрой волн.

Рут закончила ужин в тишине, думая о своем. Она не решалась позвонить Эмилю по сотовому телефону, ориентируясь на его осмотрительность, которую впору назвать опасливостью. Она даже последовала его совету – не поехала в отель на такси, а с трудом найдя на вокзальной площади частного. Тот подвез Рут на синем «Рено» и не взял с попутчицы денег.

Она снова увидела Лолиту. Было немного странно видеть хозяйку отеля в купальном костюме – бюстгальтер с тугой эластичной лентой под высокой грудью и стильные тру-

сики-шорты. Этим облачением она словно подчеркивала: рабочий день уходил вместе с солнцем, а она, урвав его ускользающие лучи (может быть, лучшие для нее самой), отдалась и им, и морю.

Лолита оттолкнулась от края высоких мостков и, по-спортивному погасив брызги, вонзилась в накатившую волну.

Красиво, грустно улыбнулась голландка. Она позавидовала Лолите. Она работает и живет в одном месте. Нет, просто живет, поправилась Рут. В этом дорогом отеле она свободна от инородных взглядов, которые несправедливо, наверное, но по-житейски честно лишь скользили по ее стройной фигурке. Она достигла того, о чем мечтала сама Рут и к чему в последнее время подталкивал ее Эмиль: *подняться из океанской пучины совсем другим человеком*. Нырнуть в очистительные воды и вмиг переродиться – это ли не мечта.

Рут мысленно возвратилась с берегов Балеарского моря на берега Северного, в день позавчерашний, когда она получила электронное послание Эмиля...

Она спустила ему это бестактное «можешь приехать». А можешь и не приезжать. Можешь остаться дома и любоваться унылым видом из окна своего харлемского дома.

Пока она не планировала обзавестись семьей или, по крайней мере, ребенком. По дому можно будет передвигаться на цыпочках – чтобы не разбудить чадо. Так она себя по-детски и настраивала: ребенок будет спать, пока не научится ходить. Хорошо бы придумать детское питание путем внутривенного впрыска. Обычно в этом месте девушка прерывала себя, не находя продолжения и откровенно признавая себе, что ее натурально несет в неизвестном направлении.

Три месяца назад Эмиль заинтересовался старыми документами. *Глаза у него загорелись*, подметила девушка, но охладело в другом месте. Рут прямо заявила ему об этом: «Ты приходишь для того, чтобы принять холодный душ. У тебя в крупных морщинах не только твой лоб». Девушка указала глазами на его южную точку. А взгляд любовника походил на вздох: «Ах, ты об этом...»

Потом явился еще один заинтересованный. Томас Рейман нервничал, вытирал ладони о штанины брюк. Он походил на шпика, проходящего курс реабилитации после тяжелой болезни.

И глаза у него бегали. Он не сразу остановил их маятниковый ход, словно не знал ответа на вопрос, откуда он узнал адрес правнучки Небенфюра. Что-то пробормотал об Интернете, где можно найти любого человека.

Вот и пришел тот день, когда под нее просунули лом и стали выворачивать прошлое ее семьи, в попытке увидеть очертания субмарины.

Но только два человека знали, где нашел вечный покой немецкий «Оракул»: Рут и Эмиль Линге.

3

20 августа, суббота

Пол и Марк начинали военную службу в учебном центре ВМФ в Пуле. Там они изучали навигацию, подрывное дело, прошли курс легковогодозазной подготовки. Они владели всеми видами оружия, включая оружие противника.

За неполные двое суток они изучили всю прилегающую к отелю «Берег мечты» территорию. А красочный парк Порт-Авентура стал особым местом в их плане.

Вчера они обедали в ресторане «Мечты», вход в который не ограничивался клиентами отеля. Запивая капусту со шпикачками крепленным хересом, они поглядывали на отдельный столик с более чем простенькой табличкой: 10. Вскоре они увидели свою клиентку, но не обнаружили ее приятеля. Расплатившись, они покинули ресторан.

Для Пола и Марка такая работа была более чем привычной. Еще на службе в частях королевской морской пехоты им приходилось работать в схожих условиях. Их забрасывали за границу как в составе групп подводных диверсантов, так и по одному. Они собирали сведения о противнике, подбирали и готовили участки побережья для высадки десанта, посадочных площадок для вертолетов, и сами были готовы совершить диверсию.

Этот день прошел для них под знаком сотовой связи. Марк Теренс позвонил Соболю и доложил:

– Эмиля Линге в отеле нет. Он или не прилетал, или задерживается.

Через два часа на связь вышел сам Соболю:

– Линге – в минус. Он разбился. Это точно: шеф делал запросы через свои службы и поисковые сервера аэропортов. Работайте с Рут. Берите на вооружение смерть Линге. Рут, скорее всего, не в курсе катастрофы. СМИ пока еще ничего не передали. Знаю только, что на месте крушения работают морские спасатели.

Пол заметил:

– Клиента легко можно заманить в шумное и красочное место, но вряд ли он отважится прийти в местечко тихое и пустынное.

– Согласен с тобой, – ответил Марк.

В два часа дня Пол позвонил в отель.

– Это Эмиль Линге. Пожалуйста, передайте Рут Небенфюр из десятого номера, что я жду ее в семь часов в Средиземноморской зоне парка. Спасибо.

Он щелкнул пальцами:

– Бинго! Она наша! Соболю оказался прав: в отеле ни черта не знают о смерти Линге.

Марк Теренс кивнул. Он был одет в просторные брюки и темную рубашку с коротким рукавом. Неуместный в данном случае галстук заменял шнурок, стянутый в узел фистулой с черным матовым камнем – удавка по сути. В кармане лежал довольно приличный нож, купленный в местном магазине.

4

Хоть и обеспокоенная, Рут в эту ночь спала крепко. Сказались волнения и перелет. Только сегодня девушка призадумалась: почему Эмиль не предложил ей место в своем «Дикаре». Она отказалась от «пробного» полета – ее не устраивал тест, который мог завершиться превращением «этажерки» в крылатую ракету. И дальнейшие предложения любителя-истребителя, носившие все те же лабораторные нюансы, были отвергнуты. Он называл себя Чкаловым и что-то говорил о мосте, Рут подсмеивалась над ним и намекала на массивные опоры.

Она рискнула позвонить в его эдамскую квартиру, к телефону никто не подходил, автоответчик был отключен. Странно. Ближе к обеду вся эта засекреченность начала надоедать.

Рут едва не взорвалась на Эмиля, когда дежурный администратор отеля принесла в ее номер записку. Девушка обрадовалась, загодя представляя руку любовника, однако почерк был не его. Оказалось, Эмиль позвонил в отель и натурально надиктовал шпионский текст. Она-то думала, у него неприятности...

Отель «Берег мечты» расположен неподалеку от Порт-Авентуры, одного из лучших тематических парков Европы. Именно в парке Эмиль назначил встречу. Точнее, в одной из пяти тематических зон – Средиземноморской. «Почему не в Диком Западе?!» – злилась Рут, оплачивая вход в парк и получая право на пользование аттракционами без дополнительной платы. Детская карусель в виде двухместных пародийных самолетиков, которые неуклюже вписывались в незамысловатые повороты, вызвала в душе девушки бурю эмоций. В одном из них она, гневно раздувая ноздри, готова была увидеть несчастного пилота.

Билет действует целый день, вспоминала она слова кассира. Она могла уйти из парка и вернуться в любое время. Вечером? Но вечер уже вступал в свои права: парк окутался разноцветными огнями и окунулся в феерические представления. То и дело со стороны американских горок, самых больших в Европе, раздавались дикие крики. Оргия.

«Средиземноморье!» – пылала от негодования Рут, находя в этом определении нестыковку. Зачем эта явная лишняя зона, когда вот оно, это самое Средиземноморье, сразу за подсвечиваемой стеной кустарника. Его зов глушат противные возгласы детей. «Жалко, что это не мои дети. О, я бы накормила их через систему и уложила спать!»

«Ну где ты!»

Рут глянула на экран мобильного телефона, отмечая время. Еще пару секунд смотрела на него, ожидая звонка.

– Вы ищете Эмиля?

– Да, где он? – на одном дыхании ответила она, еще не успев разглядеть человека, задавшего этот больной вопрос.

– Он ждет вас на берегу.

– Кто вы?

– Друг Эмиля. Я прилетел с ним на его «Дикаре».

Как-то незаметно и в то же время настойчиво незнакомец увлек девушку к стене зарослей. Там она, задавая короткие вопросы и получая лаконичные ответы, увидела темную фигуру. *Эмиль?* Конечно, кто же еще может скрываться в детском парке, только он, шпион и «дикий» Чкалов в одном лице. Она не могла думать в другом ключе: незнакомец – попутчик Эмиля, а самолет двухместный. Она была рада любой весточке и шла за незнакомцем, как приласканный щенок.

Теренс подумал, что дело в шляпе. Клиентка шла к высоким кустам Средиземноморской зоны, как на привязи, порой – на шаг впереди самого Марка. Она даже ускорила шаг, когда увидела в полумраке фигуру Пола Дэвиса. Марк не оглядывался. Он ждал условного жеста. Вот Пол поднял руку: «Чисто. Позади тебя никого». Именно в этот момент Рут напряглась. Она резко остановилась. Но закричать не успела. Для рослого диверсанта она была тренировочной куклой. Он без особых усилий обвил ее шею и прижал к себе. Все, теперь Рут едва могла дышать. Приподняв девушку, Марк шагнул в кусты. Там, где кустарник разросся, ему помогал Дэвис, раздвигая ветви.

Не отпуская Рут, Марк по-деловому справился:

– На чем остановимся – грабеж, изнасилование?

– Остановимся на попытке. Думаю, стоит ей сказать, что Линге разбился. Слышишь, крошка? Твой Эмиль ушел на дно вместе с самолетом. Так что тебе придется назвать точные координаты «Оракула». Я буду считать до трех, дальше не умею. Раз...

– Точные координаты я не помню, – прохрипела, задыхаясь, девушка. – Все записи остались дома... в библиотеке... в книге «Утро, день, ночь».

– Говори, что помнишь.

– «Оракул» затоплен в Экваториальном проходе. На правом траверсе остров Бабочки, на левом – безымянный остров. Это все.

– Ты права – это все. – Пол подошел к Рут и сильным движением разорвал рубашку на ее груди. Вынув нож, перерезал бретельки бюстгалтера и ремешок сумки. Обнаженная грудь девушки оставила его равнодушным, а дыхание – ровным. Пол работал, привычно подавляя эмоции и желания. Он лишь оставил синяки на теле Рут.

Он четко представлял, что чувствует его жертва. Ее убивает имитация самого действия и подражание исполнителей. Они не грабят и не насилюют ее, они, как бездушные машины, копируют – срывая одежду, оставляя на теле синяки и ссадины, равнодушно глядя в ее глаза. Что может быть страшнее? Даже не смерть, которая еще на миг приблизилась к ней: Марк

приготовился сломать девушке шею. А Пол отчего-то отвел глаза. Может, оттого, что вспомнил схожую ситуацию, когда на задворках столичного университета они с Марком придушили сирийского студента. Глаза у него орал: «Не убивайте меня!» В них было все, кроме одного: «За что?» Обычно такими вопросами жертвы не задаются. Некогда. Пока есть пара мгновений, нужно просить, умолять о пощаде.

Пол почувствовал резкую боль в паху и согнулся пополам. Он не понял, что коварный удар ему нанесла Рут, этот, по сути, жертвенный ягненок. Пол пришел в ярость. Выпрямившись, он нанес сокрушительный удар, не видя ответных мер напарника. А Марк отвечал тем, что наклонил голову жертвы и был в мгновении от того, чтобы дожать рычаг сцепленных рук и услышать громкий хруст сломанной шеи. И в том месте, где была голова Рут, оказалась голова самого Марка. Могучий удар напарника сокрушил его, и он отлетел на пару метров, выпуская девушку из мертвой хватки. Он был хищником и слышал шум продирающейся сквозь кусты лани. Мотал головой, словно избавлялся от чьего-то идиотского голоса:

– Извини... Вот это она сделала нас...

– Ты сделал, – на удивление спокойно отозвался Марк, отходя от нокаута. Удар пришелся в край челюсти и едва не свернул Марку голову. – Все равно она наша и далеко не уйдет. Она упрется в скалу на побережье – хреновое место даже для высадки десанта. Морем пойдет.

– Эй Марк, приходи в себя!

Один неуверенный шаг, другой... Марк Теренс умел быстро восстанавливаться после хорошего удара. Ему хватило минуты, чтобы его походка стала ровной, а мысли приобрели законченный вид.

Едва он вслед за товарищем миновал крутой спуск и ступил на прибрежную гальку, он вновь обрел привычное соотношение сил и разума. Рут рядом, в ста метрах. Видимо, она крепко поранилась, продираясь через кусты и катясь по насыпи: на гальке отчетливо виднелись следы крови.

5

Рут была прекрасно сложена: длинные ноги, высокая грудь, слегка широковатые плечи итальянки, вспоминал Весельчак новую клиентку отеля. Она прибыла в «Мечту» в обтягивающих бриджах. Загорелые икры в сочетании с черными секс-брючками и молочными кроссовками в первую очередь обратили на себя внимание Владимира Веселовского. Вчера он был занят другой клиенткой отеля. Вот и сегодня он посадил ее в скоростную лодку, и она пронеслась мимо парусно-моторной яхты «Миссон», стилизованной под иол. Яхта стояла на якоре, убрав паруса, неподалеку от берега.

Лодка обогнула песчаную косу, на которую наступал спускающийся с холма кустарник. Коса – как кофе с молоком – пенилась у кромки ленивыми изумрудными волнами, обрывалась у подножия скалы с пологими гранями. Весельчак сбросил газ и повернул румпель. Лодка вошла в крохотную уютную гавань и ткнулась носом в береговую полосу. Единственная пассажирка моторки, сидевшая на носу топлес, сошла на берег, прихватив пакет с нехитрым набором: шампанское, шоколад, мясные сэндвичи с авокадо, пластиковые стаканчики.

Солнце клонилось к закату, бросая косые лучи на лагуну из-за лесистых холмов. Со стороны моря небо нежно-голубое, с берега – немного темнее.

Инструктор привез клиентку отеля в уютный, защищенный со всех сторон уголок. Скала скрывала небольшой галечный участок с плоским столом-камнем и округлыми камнями-банкетками.

Пока Веселовский вытаскивал лодку на берег, женщина накрывала на стол. Она была немногословна. Вчерашней ночью она одаривала темпераментного инструктора подводного плавания лишь одной фразой: «Давай, жеребец, давай!» Утро и большую половину следую-

щего дня она отсыпалась у себя в номере. Подкрепившись в ресторане крабами и моллюсками «Морское ушко», приготовленными поваром по-чилийски, она отыскала «жеребца» в клубе отеля.

Через четверть часа, когда бутылка шампанского опустела, а темпераментная дама приготовилась выкрикнуть в мрачающее небо имя русского инструктора, Веселовский во второй раз увидел Рут. Он обалдел: голландка была голой, не считая узкой полоски на бедрах, и бежала она к нему, точнее – к ним. «А вот это неплохо совсем», – обрадовался было инструктор, сжимая в объятиях одну женщину и глядя на другую, не менее соблазнительную. Мгновением спустя он разглядел крупные ссадины и кровь на теле девушки. Он недолго гадал, легко представив Рут катящейся по каменистому склону. Кроме как морем, в этот укромный уголок можно было попасть только по крутой гряде.

Рут преследовали два парня. Они нашумели, сбегая с кручи, сваливая камни и гальку, и замерли, увидев явно лишнего лица в недвусмысленной позе. Женщина лежала на боку, обвиняя руками круглый валун и повторяя его форму, мужчина стоял на коленях, приподняв одну ногу партнерши.

«Не строй из себя крутого мужика, стоя в одних трусах», – припомнилось Веселовскому из фильма «Достать коротышку». По сравнению с одним из героев фильма он был «укутан»: пока еще в широких шортах и не распрощавшись со «сбруей» – ремнем с сотовой трубкой и раскладным ножом, – походившей на кожаные причиндалы для пыток.

Инструктор встал, поигрывая накачанными грудными мышцами, и одним движением обнажил острый клинок.

– Парни, вы ищите банкомат?

Этой фразой, произнесенной по-английски, он сбил их с толку и себе дал возможность очухаться. Эта тройка свалилась как снег на голову, в один из самых кульминационных моментов.

Наверное, он услышал то, что хотел услышать:

– Убери «раскладушку», морда. Это наша девка. Она перебрала, и мы хотим увести ее в отель.

– Пару часов назад ваша девка сказала мне: «Когда-нибудь ты спасешь мне жизнь, морда». А я ответил: «В любое время, детка».

Рут, тяжело дыша, нашла спасение за сильной спиной Весельчака. Она дрожала от страха, положив руку на его плечо, и отрывисто повторяла несурзкое:

– Меня обокрали! Вызовите полицию!

Плечо Рут было порезано. Кровь струилась по руке и капала с кончиков пальцев на землю.

– Займись им, Пол, – дал команду Марк Теренс. – Одним меньше, другим легче. – Он выжал на лицо пренебрежительную усмешку, гипнотизируя Весельчака светло-голубыми глазами. Его рыжеватый товарищ, демонстрируя уверенность, начал сближаться с русским инструктором.

В это время «Миссон», под белоснежным кормовым навесом которого собралась шумная толпа туристов, появился из-за скалы, шум мотора оборвался. Туристы сидели за длинным столом, стояли у борта, облокотившись о планширь. Слева по борту в воду уходила складная лестница, по ней готовилась спуститься в вечернюю воду слегка начинающая полнеть дама.

Теренс негромко выругался. Он отчетливо видел будущее: короткая схватка с инструктором, который довольно ловко разложил нож и держал его в расслабленной руке; еще более короткое действие – удар булыжником по голове чертовой девчонки. Затем следовали вопли проститутки, обнявшей огромный валун, и высадка десанта с яхты – на палубе было порядка десяти мужиков и столько же визгливых баб.

Качая головой, Марк провожал глазами Весельчака и уже двух его подруг. Рут он вел к лодке за руку, его любовница шла следом, держа в руках трусики.

Уже в лодке с заведенным двигателем Весельчак спросил подругу:

– Почему ты не прикрылась? Хотя бы валуном.

– Ну еще бы! – отозвалась женщина. Демонстративно порыскав глазами по лодке и остановившись на окровавленных руках Рут, она сказала: – Ни аптечки, ни хрена!

Рут слабо улыбнулась, покачав головой:

– Ик вехряйп у нит.

– Вехряйп – это я понимаю. Тоже на Гонолулу родилась. Облом, короче.

Весельчак был мрачнее тучи. Он увидел в тех парнях профи – по тому, как они смотрели, двигались. Их выправка была военной, но не спортивной, как у самого Веселовского, единственного в агентурной группе капитана Абрамова, кто не проходил военную службу. Далеко не факт, что он вышел бы победителем в поединке.

Глава 4 ВЗАИМНЫЙ ИНТЕРЕС

1

Порез на руке девушки оказался неглубоким. Весельчак обработал рану, стянул ее парой тонких полосок лейкопластыря и наложил повязку. Лолита, сменившая к вечеру блузку и юбку на джинсовую пару, налила пострадавшей виски. Рут поблагодарила ее, улыбнулась инструктору, который со знанием дела остановил кровь и обработал рану.

Она так и не решила для себя, извиняться ли ей перед хозяйкой отеля. Лолита была немногословна. Ее не смутил ни вид крови, ни состояние клиентки, а происшествие она посчитала рядовым событием. Для нее важна репутация отеля, и в этом случае не суть важно, где постоялица подцепила неприятности. Она приволокла их за собой и притянула на невидимом крючке полицию. «Разбирательства не миновать», – полагала Рут, припоминая свои крики на берегу. Версия о грабеже была самой правдоподобной: Рут осталась без мобильного телефона и одежды. Но примет ли эту версию полиция? Прежде ее должна принять администрация гостиницы.

Девушка потеряла немного крови, но ее бил озноб, словно она лежала на донорском столе. Она была в своем номере, устроившись на стуле. Халат, накинутый на плечи, скрывал наготу и оставлял открытой больную руку. Окровавленные бинты, тампоны и упаковка от пластыря в корзине для бумаг – что отдаленно напоминало атмосферу процедурного кабинета.

Девушка допила виски и почувствовала себя лучше. В компании своих сверстников она быстро успокоилась. Дадут ли они ее в обиду – вопрос так не стоял. Они не остались безучастными ни на морском берегу, ни в самом отеле. «Что дальше?» – спрашивала себя Рут и находила боязливый ответ в том, что ей нужно сматывать удочки. А здесь было самое безопасное место, пусть даже временное.

Она мысленно перенеслась в Харлем и вздрогнула, увидев двух незнакомцев у порога своего дома. Представила ситуацию немного иначе. Она в полиции и говорит правду, ничего, кроме правды. Она почувствовала себя коровой: каждый день ее дергают за соски, дойка продолжается целую вечность. Она рассказывает об Эмиле и его интересе к военным документам, о поисках опытных водолазов; она снимает с полки книгу английского историка и как-то ненормально – профессионально говорит: *«Этот человек причастен к гибели Эмиля»*.

Сумасшедший дом.

Гораздо лучше звучит «Сумасшедший отель». Здесь хотя бы на время можно найти покой. Необходимо договориться с Лолитой, обменяться предложениями – не поднимать шума. А дальше будет видно.

– Как вы себя чувствуете? Не хотите принять душ? Я вам помогу.

– Да, это было бы замечательно.

Лолита проводила ее в ванную комнату и помогла снять халат. Рут шагнула под теплые струи, отставляя в сторону больную руку. Тут же почувствовала прикосновение Лолиты: она поддержала ее, мокрой мочалкой смыла засохшую кровь и подтеки, подала полотенце и свежий халат.

Когда они вышли из ванной, Лолита повторила вопрос:

– Как вы себя чувствуете?

– Спасибо, гораздо лучше.

– Согласны на короткую беседу? С вами хочет поговорить менеджер нашего отеля. Ничего официального, даю слово. Разговор пройдет в моем присутствии.

– Хорошо, – кивнула Рут. – Дайте мне двадцать минут.

За это время она высушила волосы феном, облачилась в шорты и майку.

– Называйте меня Алексом, – предложил человек лет тридцати. – Мы можем поговорить по-немецки, если хотите.

– Было бы неплохо, – с явным облегчением отозвалась девушка, улыбнувшись: многие голландцы говорят на языке Шиллера и Гете, но мало немцев, владеющих языком, относящимся к группе германских.

Рут внезапно напряглась. Экспромт, родившийся в ее голове, мог напрямую коснуться темы беседы. В прямом и переносном смысле слова она могла перейти на язык адмиралов Канариса и Дёница.

Она более внимательно всмотрелась в этого человека, отсрочив вопрос «Кто вы?». Плечист, чуть выше среднего роста, с пронизательными глазами. Он был похож на... Да, Рут быстро нашла сравнение. Сходство со скрипачом Юрием Башметом было очевидным, за исключением прически: русский музыкант, пользующийся мировой известностью, носил длинные волосы.

Александр Абрамов устроился за столом. К нему примкнул, еще плотнее запахнув шторы на окнах, парень лет двадцати восьми. Вчера девушка видела его в легководолазном костюме. Он возвращался в клуб, неся на плечах акваланг, в окружении клиентов отеля.

Рут только сейчас одобрила формат беседы: она была не одинока в мужском обществе – в номере осталась Лолита и заняла место рядом с ней.

– Я начальник службы безопасности отеля. Это мой коллега, – Абрамов указал на товарища, – его зовут Женя. С Лолитой вы уже познакомились. Вот так, поэтапно, я представлю вам нашу многоликую команду, – улыбнулся Абрамов. – Мы владельцы отеля, отвечаем за безопасность наших клиентов, являемся менеджерами и инструкторами подводного плавания.

Рут молча кивала. Она до сей поры не разобралась, почему Эмиль выбрал отель, принадлежащий русским «многостаночникам».

– Не хотите рассказать, что же произошло с вами на самом деле? Версия о грабеже отпадает по нескольким причинам. Во-первых, Порт-Аventura – не то место, где промышляют грабежом. Бывают случаи воровства, пьяные драки, но эти мелкие преступления расследуются службами безопасности быстро, порой без помощи полиции. Нападавшие были скорее военными, или бывшими военными, не суть важно.

– Почему вы так решили?

– Потому что мы сами состояли на военной службе и своих коллег научились распознавать с полувзгляда. Мои парни проходили службу в войсках специального назначения. Мы не скрываем и не афишируем сей факт. Профессионал разберется в этом вопросе, профан просто отметит классную работу. Все просто. Собственно, мое беспокойство вызвано целой цепочкой происшествий. Первое, – Абрамов как немец разгибал пальцы, – Эмиль Линге бронирует номер на свое и ваше имя. Вы приезжаете, он – нет. Вы обеспокоены, у нас ни одного повода для волнения. Рябь вызвал телефонный звонок Эмиля в гостиницу. Он назначает встречу в парке. Он близко, но у него есть причины не появляться в оплаченном номере. Вы отправляетесь на randevу и попадаете в неприятности. Вместо Эмиля вас в парке встретили... Вы знаете этих людей?

– Никогда раньше не видела.

– Случайно или нет, но мог пострадать наш инструктор, – продолжил Абрамов, сменив положение на стуле: закинул ногу за ногу и откинулся на спинку. – Хотите вы этого или нет, но вы связали ваши дела со спокойным бизнесом нашей гостиницы. Я говорю о звонках, намеченных и незапланированных встречах, которые вылились в ЧП. По вашим глазам я сужу, что вы не хотите огласки.

«Нет, не хочу», – энергично покачала головой девушка.

– Вы – наш клиент, – продолжал Абрамов, – мы пойдем вам навстречу. Хотя для нас проще передать имеющийся материал в полицию. Лично мне откровенно не по душе, когда рядом работают – я намеренно не говорю «орудуют» – профи и краем задевают наши интересы. Я не хочу лезть в ваши дела, но прийти к общему знаменателю мы обязаны.

– Что я должна сделать? – приглушенным голосом спросила девушка.

– Набросать несколько строк, поставить число и подпись. Могу подсказать содержание. Гуляя по парку, вы споткнулись на крутом склоне. На берегу вас подобрал служащий отеля и оказал первую медицинскую помощь. От дальнейшей помощи вы отказались добровольно. Только вы вправе решать, на какой срок вы останетесь у нас. Если захотите уехать завтра, мы поможем с билетами и проводим вас до аэропорта.

Рут молчала. Заполняя паузу, она сказала:

– Вы здорово говорите по-немецки, почти без акцента.

– Ну почему? Многие отмечают мое баварское произношение.

– Извините.

Абрамов вынул из прозрачной папки-файла чистый лист бумаги и передал его и авто-ручку Рут.

– Мы оставим вас на несколько минут. Я хочу получить от вас письменное заявление до того, как здесь появятся полицейские. У меня нет полной уверенности...

– Хорошо, – довольно резко перебила Рут.

Однако она остановила Абрамова, уже открывшего дверь:

– Не уходите, мне нужно кое-что сказать вам. Вы не сказали – вы морской офицер?

– Только намекнул, – ответил капитан, занимая прежнее место. Лолита успела выйти из номера, в нем остались трое: Рут, Абрамов и Евгений Блинков.

– Вы поможете мне, если я вам расскажу всю правду?

– Если только она не навредит нам. Вы опасаетесь за свою жизнь?

– Да. Как вы относитесь к деньгам?

– Лично я?

– Вы.

– Праздник жадности никогда не отмечаю.

– А вы? – Рут посмотрела на Блинкова.

– Я люблю быстрые деньги, но рискую в разумных пределах, – ответил Джеб.

Рут все больше удивлялась способности этого парня молчать, не отгораживаясь от окружающих. Он поглощен своими мыслями, но взгляд его отнюдь не рассеянный. На вопрос Рут он ответил без намека на паузу, а значит – искренне.

Она невольно опустила глаза, не выдержав его взгляда.

Вот теперь она должна сказать главное, опираясь на вопрос Абрамова и свой ответ: да, она опасается за свою жизнь, которую полутора часами ранее могли оборвать двое подонков. Где и у кого искать защиту? Она снова могла нарваться на неприятности. Она не знает этих людей, эту «русскую стену». Знакомо ли им сострадание? Да. В первичном понимании этого слова. Они оказали первую помощь, сказали едва ли не первое, что пришло в голову: она должна убраться отсюда; а для скорости ей дадут пинка и помашут на прощание ее объяснительной запиской.

В голове крутилась незаконченная фраза: «взаимный интерес». К ней лепилось стремительное откровение Джеба о быстрых деньгах и разумной доли риска. Рут невольно перевела: *«Золотишко с пользой потратить – дело нехитрое. Неплохо было бы при этом в живых остаться»*. Нет, это не ее, она сбилась на Эмиля. Это стресс дает знать о себе. Он снова выбивает дрожь и подкрашивает губы синей краской страха.

Довести дело до конца – еще одна незаконченная фраза.

– Эмиль должен был прилететь на своем самолете. Те двое сказали мне, что его самолет разбился, Эмиль погиб.

– «Сессна»? – попробовал угадать Абрамов.

– Нет, – покачала головой девушка. – Знаю, что это тип «Сэвэдж».

– С высоко расположенным крылом, – покивал капитан. – Одно- или двухместный.

– Точно.

Абрамов набрал на сотовой трубке номер и отдал кому-то распоряжение:

– Зайди на сайты испанских новостей и международных аэропортов. Не упоминается ли в сводках высокоплан типа «Сэвэдж»? Одну секунду. Бортовой номер самолета? – спросил он у Рут и продиктовал вслед за ней в трубку: – 4418. Пилот Эмиль Линге. Давай пошустрее. Эмиль опытный пилот? – спросил он, окончив телефонный разговор.

– Любитель. Он нечасто летал на своем «Дикаре», но это не первый его самолет.

«*Не первый*», – повторила про себя Рут. Как-то Эмиль проговорился, на чем он сделал деньги, чтобы купить сыроварню в Эдаме: он доставлял в Англию мелкие партии легких наркотиков, разрешенных в Голландии. По его словам, *он знал меру*, запланировал ее заранее, чтобы наркобизнес не втянул его в свои сети. Он что-то говорил о своем знакомом, которому не удалось уйти из-под влияния преступного бизнеса.

– Эмиль предприниматель? – продолжал спрашивать Абрамов.

– У него своя сыроварня.

– Вы не его партнер по бизнесу?

– Я работаю в музее Тейлера, в отделе коллекции шведской королевы Кристины.

– Богатая коллекция? – улыбнулся Абрамов.

– Около двух тысяч рисунков и эскизов Рафаэля, Микеланджело, других мастеров.

– Эти ценности имеют отношение к нашему делу?

– Другие... ценности, – с запинкой ответила Рут.

Абрамов ответил на звонок и несколько мгновений провел в молчании.

– «Сэвэдж» с бортовым номером 4418 пропал вчера вечером на экранах радаров диспетчерской службы аэропорта Барахас. Примерно в ста милях от берега спасатели обнаружили обломки самолета.

Абрамов подошел к журнальному столику и налил виски. Рут едва притронулась к стакану. Весть о гибели Линге стала явью. Так или иначе, девушка была готова принять ее.

– Отдыхайте, Рут, поговорим утром.

2

«Дорогая Рут! Я нашел отличное место для наших переговоров и забронировал номер в отеле «Берег мечты».

Что-то важное таилось в этом послании, но Рут никак не могла понять, что ускользает от ее внимания.

Эмиль был старше Рут на два года. Он давно стал играть в искателя приключений – взять хотя бы его решение прилететь в Испанию на своем самолете. Мог прибыть как нормальный человек, как турист. Но он уже был близок к определению путешественника, собравшегося в дальнюю дорогу. Каждый его шаг был не в меру законспирирован. Каждое его слово приходилось расшифровывать. Каждую новость он преподносил как таинственный подарок. Он был взрослым ребенком. И Рут была не уверена в том, верит ли он до конца в эту давнишнюю историю с «Оракулом».

У него было не так много средств, чтобы сделать выбор в пользу дорогой гостиницы. Но он останавливается в «Мечте» на три дня, потом, словно он был внуком Рокфеллера, продле-

вает бронь еще на неделю. Летит в Голландию, сжигая подорожавшее горючее, чтобы уладить дела на сыроварне, и снова возвращается.

«Нет, я так и не успела узнать его. Похоже, и себя толком не изучила».

...Рут показалось, она поняла скрытый смысл в послании Эмиля. «Отличное место для переговоров». С ней? Но они могли переговорить и в Эдаме, и в Харлеме. Он был занят поисками опытных водолазов и, похоже, нашел их. Здесь он наткнулся на группу водолазов и поступил с Рут весьма дипломатично: решил, что переговоры с инструкторами подводного плавания не должны пройти без ее участия. Кто знает, может быть, Эмиль уподобился профессионалу или в качестве профана отметил классную работу русских дайверов...

Еще одна тайна нашла покой на морском дне.

Рут не коснулись высокие мотивы – принять выбор Эмиля и во что бы то ни стало пойти его путем. Ею овладело чуть приподнятое настроение – ни больше, ни меньше, потому что она окунулась в море страха. Но ее боязнь, трепет стали отступать: она пошла по следам Эмиля, встретила с дайверами, оценила их участие и неучастие. Пока что она находилась в нейтральной зоне – русские не подпускали к себе, но и не отталкивали. Они проявили интерес, но избежали откровенного любопытства.

Да, это они. На них сделал ставку Эмиль Линге.

Последние дни капитан Абрамов размышлял о дальнейшей судьбе своей агентурно-боевой единицы, находясь в томительном ожидании. Формально он починался разведке флота, но без приказа контрразведки не мог сделать и шагу. Этакая невесомость могла продлиться и месяц, и два. До той поры, пока капитана не осчастливят-таки очередным заданием.

Александр Михайлович перебрал множество вариантов и остановился на оптимальной версии – это использование агентурной единицы с целью промышленного шпионажа. Отель «Берег мечты» к этому времени приобрел популярность среди состоятельных клиентов. Работа над проектом бизнес-туров по индивидуальным заказам элиты набирала обороты. Абрамов зафиксировал несколько сделок, заключенных в «Мечте», передал подробную информацию в штаб: кто и когда заключил сделку, при каких обстоятельствах.

Выход из непростой ситуации ему подсказал начальник флотской разведки: «Напиши рапорт об увольнении, Саня. Я, в свою очередь, в одностороннем порядке расторгну договоры о прохождении службы по контракту с твоими бойцами. Таким образом вы соскочите с крючков наших разведок».

Вот уже неделю Абрамов и его парни наслаждаются необъятными полями вольных хлебов, что нашло подтверждение в беседе с Рут. Капитан невольно построил разговор таким образом, как будто за плечами не было успешных боевых операций, а над головой никогда не волновалась крыша флотской разведки. Он – начальник службы безопасности небольшого отеля. Ни он, ни его товарищи уже не могут себе позволить продавать некачественные услуги. В первую очередь они думают о марке, направлении, живут совсем другой жизнью, работают и зарабатывают деньги.

Однако мысли о прошлом, которые являлись с перекошенным лицом неожиданности и ночного испуга, порой тревожили душу.

Нечто похожее капитан прочел и на лице своего бойца. Он впервые видел Весельчака растерянным, это при том, что сдрейфил он по «профессиональному признаку». Сам Веселовский объяснил свое состояние туманно: «Не по себе стало. Перевес был не в мою пользу. Они – профи, Саня. Если хочешь, я столкнулся не с рядовыми спецназовцами, а с дипломированными офицерами».

– Рут Небенфюр, – протянул Абрамов, глядя на Джеба. Они сидели в кабинете капитана и потягивали пиво.

– Знакомая фамилия? – спросил Блинков.

– Очень знакомая. Где-то я слышал ее, но при каких обстоятельствах... – он развел руками. – Вспоминается немецкий ученый доктор Клаус Небенфюр. В мореходке и в спецшколе нам не раз давали эту тему.

Доктору Небенфюру одному из первых пришла в голову идея об использовании ракет «Фау-2» в подводном флоте. Потому что простые пехотные ракеты уже, по определению, не устраивали подводников. И вот в ответ на бомбардировки Германии было решено подвергнуть Нью-Йорк ракетному удару. Сделать это предполагалось с подводных лодок, несущих водонепроницаемые ракетные контейнеры.

– Заказ на три таких контейнера был выдан, если не ошибаюсь, Штеттинской верфи в декабре 1944 года, – припомнил Абрамов, – но ни один из них так и не был изготовлен до конца войны. К тому времени отдельные элементы этого комплекса уже испытывались на Балтике. Согласно проекту, после выхода в район запуска кормовые отсеки контейнера заполнялись забортной водой, и он разворачивался в вертикальное боевое положение. Крышка ракетной шахты откидывалась, и по команде с борта субмарины мог происходить запуск. Высокой точностью «Фау-2» не обладали, разброс до восьми километров. Но представь, Женя, что три ракеты попадают в разные места «Большого яблока».

– Похоже на современный теракт.

– Да, есть сходство. Город охватывает паника, ее волна накрывает правительство Штатов, Америка забывает о втором фронте. Вот, собственно, на что рассчитывало немецкое командование. Ну ладно, это история, к нашему делу она не имеет отношения.

– Точно, – подтвердил Николай Кокарев, присоединяясь к товарищам. – Это развлечение не из тех, что стоит заказывать на дом. Весельчак сам не свой ходит. Всех профессионалов перебрал. Я его успокаиваю: «Ты где их встретил, на берегу? Так вот это были пограничники, агенты «Гринписа», так что не паникуй. – Кок рассмеялся, перевязал по-новому волосы на затылке и хлебнул пива. Николая можно было лепить в воске и выставлять в музее восковых фигур – мимо не пройдешь. Даже без камзола и шляпы с плюмажем он виделся настоящим пиратом. – Я только что от Рут. Сидит потерянная, взгляд типа «А у меня семья». Я киваю: «Семья – дело выгодное».

– Зачем ты к ней заходил? – строго спросил Абрамов, сдвинув брови.

– Развеять подругу. Она, между прочим, попросила тебя подняться к ней.

3

– Я должна кому-то доверять... – Рут говорила сбивчиво, то пряча глаза, то надолго задерживая взгляд на капитане. – Ваш парень заходил ко мне. – Она приподняла забинтованную руку и коснулась раны. – Он сказал: «Ты что, сюда штекер подключаешь?» Николай прав – я хочу подключиться к вашей розетке, у меня нет другого выхода.

Абрамов не перебивал, давая ей высказаться. Сомнения начали тревожить его, когда он впервые перешагнул порог ее номера. В глазах девушки он увидел не только страх, в них плескалось что-то до боли знакомое. Он мог дать руку на отсечение, что где-то в самой глубине ее глаза улыбались.

– Вы поможете мне, а я помогу вам.

На сей раз пауза затянулась, и капитан спросил:

– Речь идет о благодарности?

Рут услышала оскотенный синоним.

– Нет, – она покачала головой, – я не говорю о признательности.

– Почему бы вам просто не перейти к делу? – мягко подстегнул ее капитан.

«К делу, так к делу».

Она шелкнула шариковой авторучкой и набросала на листе бумаги, предназначенной для объяснительной записки, несколько строк. Абрамов принял листок.

«1 слиток – 12 килограммов. Всего 98 золотых слитков, 1176 килограммов».

Нереально, покачал головой капитан. Может быть, оттого припахивающее фантастикой чувство, что его мысли простерлись до палубы пиратского брандера. Под скрип рангоута на воду опускается шлюпка, по веревочному трапу в нее спускаются несколько человек. Весла ударяют в воду, и хрупкое суденышко, нагруженное золотом, берет курс на одинокий островок.

Абрамов мог окунуться в недалекое будущее, вспомнить по меньшей мере три стремительных нападения на российские суда «беспризорной» команды Жени Блинкова, который оставлял в рубках захваченных судов свои английские инициалы – Джей-Би. Вряд ли кто-то из них станет вице-губернатором, подобно Генри Моргану по кличке Жестокий, но каждый, получив от руководства флотской разведки «каперское свидетельство», вложил деньги в испанскую недвижимость.

У него была возможность вспомнить себя в составе дерзкой команды, подписавшей договоры о прохождении службы по контракту. По сравнению с бойцами он смотрелся выкидышем. Они уходили на катере, суда египетской береговой охраны начали преследование беглеца, идущего на полной скорости, открыв огонь из двух пулеметов. Николай Кокарев, зафиксировав штурвал, отвечал длинными очередями. Он возвышался над палубой, высунувшись по плечи и развернув пулемет в сторону преследователей. Еще в то время Абрамов подумал о том, что Кок неплохо смотрелся бы на обложке иллюстрированного военного издания, как демонстрация сил специального назначения. «Погружение пять метров, – слышит Абрамов короткие команды Джеба. – Курс – пятнадцать. Надводный ориентир – риф». Когда катера береговой охраны сбросили ход и закачались на волнах, на борту беглеца уже никого не было. Диверсионная группа уходила под водой в аквалангах.

– Мне нужны доказательства, – наконец-то отозвался капитан Абрамов. – Я поверю бумагам. Моим шефом едва не стал человек, в кабинете которого только что не развешаны плакаты: «Если чего-то нет на бумагах, этого не было». Для начала я бы хотел услышать о происхождении золота.

– Это немецкие слитки. Они стали добычей команды германской субмарины «Оракул». Во время нападения на немецкий сухогруз мой дед находился на подлодке.

– Клаус Небенфюр?

– Да, откуда вы знаете?

Абрамов улыбнулся:

– Кажется, я начинаю вам верить.

Александр Михайлович обладал даром настойчиво и в то же время мягко возвращать собеседника к началу разговора. Он то цитировал Дали (мол, все повторяется – и море, и закат, и рассвет, и сам мастер, которого частенько упрекали в повторях его работ), то переходил на романтический, с выражением, стиль: «Сколько раз мы говорили об этом... Давай опять вспомним».

И Рут воспроизводила события последних дней и часов. По просьбе капитана она повторила месседж Эмиля: «Дорогая Рут!..»

– Вы изучали документы Клауса Небенфюра. Вы сказали, он находился на «Оракуле» во время нападения этой субмарины на немецкое же судно.

– Да, – ответила девушка. – Это судно перевозило золотые слитки, и только капитан германской плавбазы знал о его миссии. Будь это английское или американское судно...

– Я понял. – Абрамов без труда разобрался и в параллельном вопросе: почему Рут, знавшая о золоте, долгое время молчала об этом. Она хотела получить причитающуюся ей долю,

но стала бы центром скверного внимания: она – внучка человека, который был участником нападения на свой же, немецкий корабль.

– «Оракулом» командовал лейтенант Мертен. Как и многие военные, он понимал, что война проиграна, что он и его подчиненные попадут под суд международного трибунала. Что сбежавших военных будут искать, а тех, кто сдался добровольно, все равно ждет срок. В начале 1944 года Мертен переправил нескольких германских военачальников в Аргентину. И сам мог последовать их примеру. Представился случай, и он решил прихватить золото. Мой прадед одобрил его план. Может быть, у него просто не было выхода. Он был один на один с командой подлодки.

Капитан 2-го ранга Александр Абрамов неплохо знал историю Второй мировой и мог найти для Рут множество оправдательных моментов, о которых она только что сказала. Например, тот факт, что на Нюрнбергском международном трибунале германский подводный флот был признан «невиновным» и после оглашения приговора адмирал Дёниц заявил:

– Поведение Германии в войне на море чисто и незапятнанно. Каждый германский моряк может гордо держать голову. И в уйме обвинений, и оправданных, и неоправданных, брошенных в лицо немецкому народу по поводу поведения Германии в войне, это имеет неопределимый вес.

Или же сказать просто, опуская национальную принадлежность: «У моряков нет ни легкого, ни трудного пути. У них есть только славный путь».

– Кстати, каким образом в документах отражено место затопления «Оракула»? – спросил Абрамов.

– Точные координаты там не указаны. Эмиль сказал, чтобы я положила на него. Он несколько раз встречался с голландским подводником по имени Конрад, сама я его ни разу не видела. Вместе они проложили курс «Оракула», беря в расчет специфический меридиональный хребет Мальдив от Шри-Ланки до самого экватора, сильные течения и прочее. Эмиль – летчик, и он объяснял, словно находился на борту своего «Дикаря».

– То есть курс подлодки лежал...

– ...точно посередине Экваториального прохода, на правом траверсе – остров Бабочки, слева – безымянный островок.

От этих слов по телу Рут пробежал мороз – то же самое она сообщила напавшим на нее незнакомцам. Еще и потому, что воображаемый самолет Эмиля превратился в субмарину и прямо с голубых небес окунулся в морскую бездну, высветил грозные очертания немецкого «Оракула», до сей поры грозящего подводным обитателям носовыми торпедными аппаратами. Впрочем, аппараты субмарины, походившей на исполинскую щуку, пусты: в тот знаменательный, окутанный торжеством тумана вечер «Оракул» выпустил все свои торпеды, а заодно опустошил пулеметные ленты...

– Скажите, Рут, вы наивный человек? – спросил Абрамов. Он, моряк и военный разведчик, не представлял, каким образом можно проложить курс подлодки, опираясь на давнишние документы. Но курс – черт с ним. Дело в самом океане, который, не зная покоя ни днем ни ночью, топит одни острова и поднимает из глубин другие. Можно найти затонувший объект, но – затонувший совсем недавно.

«С чего же все началось? – пытался представить Абрамов. – Возможно, с визита безобидного английского историка. Но безобидного ли?»

– Как зовут вашего визитера?

– Томас Рейман. – Рут без труда угадала, кого имеет в виду капитан.

– Еще один вопрос. Вы назвали подводника по имени Конрад. Он-то в курсе вашего мероприятия?

– Был в курсе. Эмиль сказал, что Кони погиб в авиакатастрофе. Кажется, его самолет вылетел из Шри-Ланки.

– Я бы хотел уточнить: самолет подводника. Забавно, правда? – Абрамов встал. – Мне нужно посоветоваться со своим бывшим шефом – вот кто настоящий подводник.

Глава 5 РЕНЕГАТ

1

Англия, 22 августа, понедельник

Сергей Соболев работал в частной мастерской по ремонту лодочных двигателей. В рабочей одежде, с промасленной тряпкой в грязных руках он стоял над очередным заказом – самодельным водометным движком. Пока что Сергей не мог сообразить, с чего начать ремонт и где взять запасные части. Этот «монстр, мечущий из-под себя», был собран из хлама: шарнир и шлицевая полумуфта от автомобиля, корпус подшипника вообще самодельный. На вопрос Сергея «В чем проблема?» хозяин самопального мотора сказал: «Полетел радиально-упорный подшипник». Соболев тут же внес пояснения:

– Это значит, что все полетело к чертям собачьим.

Этот подшипник натурально сидел на гребном валу как в танке, скрытый под треснувшим корпусом дейдвуда.

Он подвел хозяина «укатанного» мотора к приличному двигателю модели 1031.

– Старый, но не древнее вашего хлама, – пояснил Сергей.

– Фирменный?

– Если только новозеландская «Гамильтон» для вас не шарага.

– Сколько просите?

– Я купил его за полторы сотни. Перебрал, выпрямил и покрасил брызгозащитный кожух, заменил смотровой лючок, ну и по мелочам. – Соболев развел руками и неопределенно покачал головой. – Четыре сотни, и мы установим этот водомет на вашу лодку. Чуть подрежем решетку и изменим форму кронштейнов...

Соболев едва не взвыл:

«Черт, как же мне обрыдла эта дурацкая работа!»

– Триста пятьдесят, – сбавил он цену. – Все вращающиеся части движка из нержавеющей стали.

– Триста.

«Я пришибу его сейчас!»

Едва сдерживаясь и чувствуя, что натурально шизеет, Сергей перешел на другие детали: на конец сопла и заслонку заднего хода, на кинетическую энергию истекающей струи. Поймал себя на мысли, что нахваливает свою уникальную физиологию и продает себя по частям.

Его боевая команда бесшумно ржала.

Сергею Соболеву сорок четыре. Когда он напивался в пабе или мастерской – она же дом родной, он чувствовал себя молодым. Наутро – разбитым пенсионером-паралитиком. Вот уже пару лет он пользуется одноразовой посудой: сгребает со стола чашки и ложки в мешок и выбрасывает из окна. Не глядя. Он наловчился попадать прямо в мусорный бак, вонявший под окнами лодочного сарая.

Подруги, которых он менял так же часто, как посуду, порой спрашивали его, лаская: «Тебе хорошо, Серж?». Он озадачивал их: «Мне хреново».

В ночь с 14 на 15 мая 1982 года капрал Сергей Соболев и его товарищи из 22-го полка Особого лодочного эскадрона высадились на острове Пейл у северного побережья Западного Фолкленда. Их было около пятидесяти бойцов, высадку с вертолетов прикрывал огонь с фрегата «Глэморган». Спецназовцы разделились на два отряда. Один связал боем аргентинский гарнизон. Сергей входил в двадцатку боевых пловцов, которые захватили аэродром. Они действо-

вали молниеносно и без потерь. Они уничтожили всю авиатехнику, взорвали склады боеприпасов и горючего, вывели из строя радиолокационную станцию разведки и наблюдения. Они сделали все для высадки основного десанта. А через пять дней его группа «котиков» вывела из строя радары и обезвредила патрули, охранявшие вход в залив Аякс. 13 июля аргентинские войска капитулировали, британский экспедиционный корпус захватил «спорную» территорию.

И вот сейчас Сергей ремонтирует лодочные двигатели... Пытается всучить клиенту приличный в общем-то водомет.

«Я свихнусь скоро!»

– Давайте три сотни, и двигатель ваш.

– А что я буду делать со своим?

– Засунь его себе в задницу! – вскипел Соболев.

Под мастерскую был приспособлен элинг на берегу Темзы. Построенный из дерева, он не нуждался в особом ремонте. Соболев и его команда подлатали крышу, установили новые трансформаторы, подвели вторую фазу, установили тельфер. Вот сейчас моторчик тельфера поднял водомет обидевшегося клиента и поволок его к выходу.

В крохотной конторке командира поджидали Пол Дэвис и Марк Теренс. Сергей буквально мариновал их там, дав время на размышления. Он оставил их в комнатенке, едва Марк добрался в своем повествовании до одного из ключевых моментов: «Проститутка крикнула то ли «ой», то ли «уй».

– Я знаю, что она крикнула, – перебил боевика Соболев. – И я догадываюсь, что бросила вам на прощанье Рут: «Вы будете вспоминать обо мне в госпитале, а я буду думать о вас на горнолыжном курорте».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.